

Илья ТЁ

ТЮРЬМА ДЛЯ
ГОСПОДА БОГА

Твердый Космос

Илья Тё

Тюрьма для Господа Бога

«Лениздат»

2009

Тё И.

Тюрьма для Господа Бога / И. Тё — «Лениздат»,
2009 — (Твердый Космос)

Мир, созданный как корпорация: тысячи искусственных вселенных, нанизанных на ветви Лотоса. В этих вселенных правят удельные боги – члены Корпорации, а над всем стоит невидимый всемогущий Бог, и плетутся вселенские интриги борьбы за Власть. Каково было Гору, Гордиану Рэксу, владельцу собственного Мироздания, члену Корпорации и бессмертному Творцу, обнаружить себя после очередного цикла реинкарнации не в совершенном теле Демиурга, а в жалкой оболочке субтильного юнца, да еще не понятно, в какой Вселенной! Да еще и в качестве раба. Но на то и существует воля, чтобы разум мог стать сильнее тела. Гордиан владеет даром тшеди – экстрасенса-программиста, которому подчиняются электронные устройства, рабские ошейники, позволяющие держать в повиновении миллионы рабов планеты-каверны Эшвен. Он стремится вырваться из тюрьмы, куда его забросили происки врагов, но, самое главное, Гор хочет докопаться до истины и узнать: чья злая воля зашвырнула его в дебри искусственных мирозданий?..

© Тё И., 2009

© Лениздат, 2009

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	44
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	53
Глава 13	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Илья Тё

Тюрьма для Господа Бога

Часть первая На позицию!

Свободен лишь тот, кто утратил все, ради чего стоит жить.
Эрих Мария Ремарк

Пролог

Кластер Каталаун-Тринадцатимирье, планета Аир, пик Гефест. Тридцатый день месяца Тот

Создателя звали Гор.

Он не относил себя к эксцентричным натурам, и его Вселенная не отличалась оригинальностью.

Некоторые демиурги размещали в кластере несколько звезд или использовали в качестве источников тепла и света иные структуры.

Некоторые демиурги размещали в кластере сотни планет, делая их плоскими или придавая форму многоугольников.

Некоторые демиурги вообще обходились только планетами-кольцами, чья полезная площадь в миллионы раз превышает площадь обычной шарообразной планеты.

Однако Гордиан Оливиан Рэкс, или, как его называли официально, демиург Г.О.Р., был старомоден и испытывал к шарообразным планетам привязанность, можно даже сказать слабость, происходящую, судя по всему, из его сумрачных воспоминаний о прошлом. Именно поэтому, как полагал его коллега, а с недавних пор и компаньон Эс. Си. Рукс, большинство своих резиденций в этой юной вселенной Гордиан Рэкс разместил именно на шарообразных планетах.

В центре пространства он повесил желтое солнце стандартного образца – Гор назвал его «Доростол», в честь некоего города, где когда-то из чрева женщины, а не из клонической колбы вышло его слабое тело, ставшее первым носителем его бессмертного Ка.

Вокруг сверкающего, как бриллиант, светила на разном удалении он разбросал тринадцать планет, различных по размеру, климатическим особенностям и строению рельефа. Их орбиты шли последовательно одна за другой, и орбита каждой следующей была в два раза больше, чем у предыдущей.

Впрочем, десятая и одиннадцатая планеты кружились на одинаковом удалении от Доростола, вокруг малой звезды, названной «Дара Аэциус», в честь некой женщины, которая при первом рождении была его матерью.

Пять дворцов выстроил Гор на Аире.

Лучшим из них, самым крупным и наиболее эксцентричным, стал Аир-Румат, Пылающий Дворец, в оправе роц и дубрав из «огненных деревьев», укрытый силовым куполом. Он вечно «горел», вздымая столб пламени над своими чертогами почти на пять километров от поверхности огненной планеты.

Был также Дворец Соломона или Дом Джиннов, где стенами служили огромные голографические экраны, с пылающими тенями и удивительными картинами. Был Дворец Давида,

названный Домом Воинов, чьи башни имели форму мечей, сабель, кинжалов и поллэксов, а здания – форму упавших шлемов, щитов, арбалетов и живописно раскинувших руки мертвых тел с лицами известных героев.

Был также Иблис, крепость из оплавившегося чугуна, по стенам которой как водопад стекала лава, яркими тяжелыми сгустками в миллионы тонн веса, опускаясь в магматические моря.

Однако излюбленным творением господина Гора на Аире, которому он неизменно отдавал предпочтение, если следовало переговорить тет-а-тет с кем-то из клиентов или компаньонов, являлся замок Звездная Пристань на вершине Гефеста. Пик Гефест вздымался над поверхностью Аира на сто пятьдесят километров, выходя почти в стратосферу, и ужасающий, но дивный вид на бескрайние моря и равнины Огненной планеты всегда производил неизгладимое впечатление на любых его собеседников.

Странные пылающие тени бродили в его коридорах, и тысячи андроидов с обликом уродливых демонов и отвратительными двуглавыми ликами охраняли подножие замка.

Но сегодня здесь, на вершине Гефеста, создатель кластера стоял в полном одиночестве, задумчиво рассматривая с космической высоты буйство пламени на просторах своего пылающего творения. Мысли Гордиана были сумрачны и изменчивы, мозг горел в немного пугающем, но томительном предвкушении неизбежных, но сладостных изменений. А в сердце прятался страх.

Создатель Вселенной ждал.

В дверь постучали.

– Да?

Створка приоткрылась, и в величественный зал, венчающий собой трехэтажную смотровую площадку, проник слуга. Подтянутый и вежливый. Внимательный и подобострастный.

– Аппаратура и медики готовы, – произнес он учтиво, – вас ожидают на Шагроне. Удачного Хеб-седа, мой господин!

Творец кивнул и вышел из зала вон.

Глава 1

Анатомия клетки

Движение... Движение... Тьма.

Творец лежал в тишине на чем-то холодном и жестком. Глаза были закрыты, а вокруг плыла темнота, непроглядная как ночь на дне океана. Он пошевелил пальцами, сконцентрировавшись на собственных ощущениях, а потом слегка пошевелился сам. Торс стал легче, и небольшой живот, наметившийся у него в последние месяцы, проведенные без телесной модернизации, не чувствовался совершенно. Ощущения были странными, а тело – отчетливо другим.

Значит, Хеб-сед удался.

Последний раз что-то подобное Гордиан Рэкс испытывал, вероятно, ровно триста шестьдесят лет назад, и воспоминания о тех чувствах сделались истертыми, как листы древней книги. Впрочем, новые ощущения пока вполне устраивали Гора: новая телесная оболочка, новые жизненные впечатления и новые бесчисленные столетия ждали его за ними.

И он вздохнул, и открыл глаза, и сел.

Веки открылись с трудом и с болью, какая-то слизь, возможно, глазная сера, возможно – остатки питательного вещества, в котором пребывало в процессе созревания его новое клонированное тело, слепила ресницы. Неожиданно яркий свет резанул глаза, но это не удивляло – ведь он открывал их впервые.

Удивляло окружающее.

Он сидел на бетонном полу и ... в клетке. Сверху нависал грязный, плохо оштукатуренный потолок, слева, справа и за спиной – давили серые бетонные стены. Впереди, перед глазами, стальными прутьями разрезала пространство металлическая решетка. По размерам новое обиталище создателя вселенных значительно уступало любому медицинскому блоку, если не сказать хуже. Размеры клетки не превышали полутора метров в ширину и двух метров в длину. Высота была также удивительно небольшая для привычных ему помещений – всего около двух с половиной метров.

С трудом напрягая свои новые мышцы, пораженный открытием демиург неуклюже подполз к решетке. Для порядка – дернул, скривился и, как мог, выглянул за прутья. Вид за прутьями был так себе. Справа и слева от места его заточения шел длинный ряд похожих ячеек, отгороженных от узкого коридора такими же прутами из стали. Длинная стена напротив казалась бетонной, серой и совершенно глухой. На потолке коридора мертвыми сталактитами зависли тусклые электрические светильники, расположенные через равные промежутки, заполненные все той же штукатуркой цвета пыли и грязных пятен. В одном конце коридора возвышалась мощная металлическая дверь, в другом красовался чудесный бетонный тупик. Собственно, этим детали пейзажа исчерпывались.

Тихо выругавшись, Гор с усилием отодвинулся от решетки. Мысли медленно поплыли в его голове сквозь то легкое очумение и ступор, которые испытывает каждое недавно воскресшее существо.

Прежде всего Гора интересовали некие технические подробности, основываясь на которых он смог бы делать выводы и анализировать ту нелепую ситуацию, в которой только что оказался. Процесс созревания клоны проходили в состоянии анабиоза. От жуткой гиподинамии их обездвиженные тела спасала только принудительная гимнастика – важнейшие группы мышц с равными промежутками времени получали электрические импульсы из игл-сенсоров, вызывающие сокращения. Благодаря этому, только что созданный клон мог двигаться сразу после помещения нового разума в его мозг, не дожидаясь, пока мышцы окрепнут и привыкнут к нагрузкам. Однако даже такая практика не могла полностью компенсировать отсутствие

реальной мышечной активности и придать движениям нужную координацию. Поэтому в течение нескольких часов после воскрешения новый обладатель искусственного тела перемещался с трудом.

Судя по тому, что простейшие движения конечностей давались довольно тяжело, но голова при этом оставалась совершенно ясной, без малейших признаков токсикоза, было очевидно, что его недавнее бессознательное состояние объяснялось именно приходом в себя после реинкарнации, а не чем-то иным, например, – анестезией для похищения или транспортировки. От момента перемещения сознания до прихода в себя в клонированном теле прошло не более получаса. Следовательно, аппарат для создания клонов находился недалеко, да и новая телесная оболочка создана где-то рядом. Возможно, даже в этом здании. А с самого Хеб-седа прошло не более сорока минут. Ну что же, подумал Гордиан, это уже что-то.

Он сел на корточки и начал неторопливый, последовательный осмотр.

Демиург тщательно ощупал лицо, изучил плечи, ноги и гениталии. Внезапное осознание того, что он совершенно обнажен, в данной ситуации Гора не беспокоило. Во-первых, потому, что в процессе Хебседа для тела клона одежда никогда и не предусматривалась, а во-вторых, потому, что нагота являлась ничтожной проблемой по сравнению с удивительным заточением в клетке.

Новая оболочка его бессмертного *Ka* оказалась молодым, физически здоровым мужским телом с умеренно развитой мускулатурой, немного тонкими костями и, по всей видимости, нескладной худосочной фигурой.

«На глазок» Гор определил свой новый возраст – шестнадцать, может, пятнадцать лет. В каком-то смысле это было не плохо: ведь для того, чтобы вывести себя на приемлемый уровень физической подготовки, владея соответствующей методикой, понадобится не так много времени. Но все же...

В прошлой жизни тело Гордиана являлось генномодифицированным образцом, выращенным для будущего сотрудника Нуль-Корпорации. В нем он обладал повышенной нервной реакцией, устойчивостью к космическим перегрузкам и более высоким тонусом мускулатуры, позволяющей персоналу Нуля быть в среднем в два раза сильнее, чем обычный человек такой же комплекции и с таким же объемом мускулов. Кроме того, раньше он владел гипостенической коренастой фигурой, средним ростом и широкими плечами.

Преобразование из крепкого взрослого мужчины в длинного тощего юношу, а из силача-мутанта – в обычного *homo sapiens* было не слишком радостным событием.

Голова оказалась совершенно лысой – растительность отсутствовала не только на крышке черепа, но и на надбровных дугах. Щеки, подбородок, даже внутренняя поверхность носовой полости также были совершенно гладкими, без малейших признаков волосяного покрова. Но это ерунда, подумал Гор, отрастет.

Осторожно, мягкими круговыми движениями указательного пальца, демиург нащупал свой *шунт* – нейроразъем, входное отверстие которого располагалось на дюйм выше основания правого уха и немного прикрывалось от постороннего глаза ушной раковиной. По опыту Гор знал, что клоны выпускались с неактивированными шунтами, поскольку виртуальный «силь», висящий в пространстве алым мигающим глазом, мог запросто свести с ума неподготовленный к таким фокусам разум.

Для людей, рожденных естественным образом, нейршунт выпускался в форме металлической таблетки, которая просто прикладывалась к виску. Таблетка реагировала на тепло человеческого тела и расположение нейронов в центральной нервной системе. При контакте с кожей она выпускала множество тончайших металлических волосков, которые, быстро удлиняясь, проникали внутрь организма, опутывая своей паутиной мозг, внутренние органы и как бы «дублируя» нервную систему. На поверхности же оставалась только «шапка разъема» –

маленький передатчик и ретранслятор, обеспечивающий связь шунта с внешним миром и глобальной информационной Сетью.

Клоны, в отличие от «натуралов», выпускались с таким же, но уже готовым шунтом и подчиненной ему паутиной, который нужно было просто активировать, совершив в определенном порядке несколько нажатий на шапку разъема.

Поэтому то, что нащупал Гор, изучая пальцами поверхность черепа, поразило его: шунт был не просто неактивен, он был *запаян!* Вместо ребристой «шапки» ретранслятора подушечка пальца огладила неровную каплю застывшего металла, не пригодную ни к чему. Тогда Гор попытался проникнуть в свой нейроразъем, активировав его не через «шапку», а изнутри. Для существа с его сверхчеловеческими способностями то была детская забава. Старый демиург закрыл глаза и сосредоточился.

Зрение пропало.

Обычно в моменты концентрации Гордиан видел окружающее даже сквозь закрытые веки, как бы глядя вокруг не глазами, а из некой бесплотной точки, когда можно смотреть не только вперед, но во все стороны одновременно. Воздух должен был покрыться алым муаром с пронизывающими пространство линиями энергетических потоков. Сейчас нейрошунт и клубок его «усиков», опутывающих человеческое тело, сверкнет искристо-яркой, ветвистой голубой паутиной, мерцающей в полутьме искаженного зрения, улыбнулся Гордиан, его сила явиться к нему в своей ослепительной мощи, а нейрошунт оживет...

Так было всегда, сколько себя помнил Гор, однако сейчас пространство вокруг оставалось пустым. Он по-прежнему видел лишь темноту за внутренней поверхностью век. Нейроразъем молчал – молчала и глобальная Сеть.

В первые мгновения после пробуждения Гор просто не понял, что Сеть Корпорации, сопровождавшая его всю череду прожитых столетий, не шепчет ему обрывки своих новостей и не окутывает незримым шлейфом отрывочных кадров-картинок. Поглощенный изучением обстановки, Гор был слишком занят, чтобы обратить на это внимание, и просто ощущал некий неосознанный дискомфорт. Конечно, глобальная Сеть могла не подавать сигналов просто потому, что помещение было экранированным, но сейчас создатель Каталауна отчетливо понял, что дело в другом: он утратил свои способности!

Архонт Аякс говорил, что такое возможно, однако только теперь Гордиан полностью осознал, что значил для него его дар! Это было хуже, чем художнику почувствовать себя слепым, а бегуну – безногим.

Гор был изуродован. Он стал инвалидом настолько, насколько это вообще возможно для *Тшеди*. О Иешуа, без ног и рук он чувствовал бы себя лучше!

Снова и снова Гордиан пытался погрузиться в гипнотический транс и почувствовать движение информационных потоков в окружающей вселенной. Однако пространство безмолвствовало. Нигде он не слышал размеренного перешептывания интеллектуальных машин, плавного шелеста их электронных мыслей и грозного перекачивания сквозь порталы валов информации. Для *Тшеди*, привыкшего к своей исключительности, утрата дара равносильна смерти – так же как обладание *телом смертного* для привыкшего к своей вечности демиурга.

Итак, он сидел в клетке в слабом теле «натурала», без дара, преданный неизвестно кем, и с полным неизвестностью будущим. Почему-то именно осознание собственной ушербности действовало на Гордиана сильнее всего. Больше чем заключение в клетке или пробуждение в незнакомом месте и теле.

Отчаяние неожиданно подкатило слезами к глазам, железным кольцом сдавило горло. Сердце в коллапсирующем ритме затрепетало во впалой груди.

«Проклятая физиология», – подумал Гордиан. Нетренированная нервная система сразу проявила свои недостатки! В старом теле, подобного бы не случилось. Сбой программы реинкарнации, да еще сопряженный с утратой пси-способностей, безусловно, являлся причиной,

достаточной для паники. Но плакать? Невероятным усилием воли создатель Каталауна сдержался.

Тело нужно контролировать, упрекнул он себя. К тому же все это еще могло оказаться просто ошибкой.

Демиург встал на колени, положил ладони на бедра и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться и трезво оценить ситуацию. Новое тело, однако, обладало иной эмоциональной устойчивостью к стрессам, иной химией и нервной восприимчивостью, поэтому, чтобы успокоить сердце и заставить поток мыслей бежать в нужном направлении, ему потребовалось почти несколько секунд.

Что-то произошло не так, думал он, сбой программы реинкарнации совершенно очевиден. Место, где он находится, – не его дом. С другой стороны, это место нельзя назвать абсолютно неизвестным. Общесетевой шунт в его голове, пусть и испорченный, свидетельствует, что клоны здесь выпускаются по стандартной, принятой во вселенных Нуля технологии. Значит – это кластер Нуль-Корпорации.

Гор раздвинул руки в стороны, почти коснувшись напряженными ладонями стен темницы, и выполнил несколько привычных дыхательных упражнений.

Хорошо, заключил он. Сейчас очевидно одно.

Информации слишком мало, чтобы делать выводы. Нужно подождать. В принципе, наличие электричества и клонической фабрики (по крайней мере, одного из цехов) где-то поблизости говорит о том, что здесь есть связь с Корпорацией и он сможет легко подтвердить свой статус в первом же ИЦе. А затем – перебраться на Каталаун и еще раз реинкарнироваться. В сущности, задача элементарна. Просто произошла ошибка, которую следует исправить. Хотя...

Гор вздрогнул. Он вспомнил свой последний день перед Хеб-седом, и лоб его покрылся испариной.

В этом последнем дне были два существа, два подобных ему демиурга – *Аякс* и *Октавиан!*

Два имени, за которыми скрывался ответ на загадку его пробуждения. «Если это они, то... дьявол! – Гор отер ладонью лоб. – Пожалуй, действовать следует осторожно».

* * *

Высунувшись за прутья решетки насколько возможно, лишенный дара демиург еще раз просчитал клетки. Тридцать семь справа от него, двенадцать слева. Его клетка – тридцать восьмая. Итого – пятьдесят. В клетушках справа сидели люди, но все клетушки слева были пусты. Большинство из тех, кто находился в клетках, насколько мог видеть Гор (а видеть он мог далеко не всех), оставались также обнажены и измазаны подсыхающей слизью.

Не нужно было являться гением, чтобы сделать из всего этого простейшие выводы. Все люди в клетках были такими же клонами, как и он. Часть из них сидела, погруженная в какой-то неподвижный ступор. Часть что-то невнятно бормотала, сидя и лежа в своих ячейках. Некоторые плакали и стонали. Наиболее активные при этом размещались ближе к его ячейке, и Гор стал догадываться, почему. Догадка подтвердилась буквально через десять минут после осмотра.

Металлическая дверь в конце коридора отворилась, и два дюжих охранника или санитаров в мешковидных халатах втащили внутрь некую массу в непрозрачном биопакете. Подтащив свою ношу к клетке слева от Гордиана, они бросили ее на пол, и один из них, достав небольшой, странной формы выдвигающийся нож, вскрыл сначала угол пакета, а затем, проведя рукой в перчатке вдоль края, раскрыл емкость полностью. Наклонив пакет на бок, санитары вывалили на пол скрюченную фигуру.

Глаза человека из пакета оказались плотно закрыты, а тело сильно измазано липкой тянущейся слизью. Очередной клон, так же как и Гор около часа назад, находился без сознания. Охранники-санитары подхватили несчастного под руки и заволокли его в соседнюю клетушку. Затем, немного отдышавшись, они забрали пустую упаковку от свежевыращенного человеческого существа и молча удалились.

Логика оказалась элементарна!

Итак, сделал выводы Гордиан, это место – не тюрьма и не барак. Это – крайне примитивная и грубая медицинская «адаптационная камера». Так называемый «отстойник» для свежих клонов. Где-то в соседнем помещении находится колба для синтеза человеческих тел, причем в единственном экземпляре. В среднем, один раз в каждые пятьдесят минут или час (таков стандартный технологический интервал), она выдает очередное творение в форме скрюченной человеческой фигуры, заключенной в биопакет – аналог материнской плаценты.

Партия клонов в любой клонической машине, изготовленной в пределах Нуль-Корпорации, – ровно пятьдесят человек. Тридцать девять из них уже готово, осталось еще одиннадцать. Это значит, до окончания процесса – от девяти часов десяти минут, до одиннадцати часов ровно. Затем партию будут готовить к вывозу.

В принципе, выбраться из клетки и из комнаты «отстойника» может оказаться делом не сложным. Привлечь внимание санитаров при заносе очередного клона, добиться, чтобы клетку открыли, затем – вырубить обоих санитаров и выйти. Если бы Гордиан пребывал в своем старом теле, он бы ни на минуту не сомневался в успехе замысла. Судя по мешкам под глазами, обрюзгшей фигуре и жировикам на коже, оба санитары были «натуралами», без малейшего намека на генную модификацию, а значит, сравниться с генетически усовершенствованным человеком по физическим параметрам и близко не могли.

Однако сейчас и сам Гордиан являлся почти «натуралом», человеком без усиленной мускулатуры и реакции, пусть и выращенный искусственно. К тому же – биологически слишком молодым и неподготовленным. Наличие информации о методах рукопашного боя в его мозге не заменит мышечных навыков и не поднимет болевой порог. Оба санитары были физически старше и значительно крупнее новой оболочки Гора, в каждом из них даже на глаз – под сто килограммов. Против от силы пятидесяти—шестидесяти килограммов веса у экс-творца. Тем не менее шансы имелись: оба санитары выглядели слишком разжиревшими и не здоровыми для настоящих бойцов. Останавливало Гора другое – полная неизвестность окружающей обстановки в стратегическом плане.

Даже если удастся выбраться из здания, размышлял демиург, что ждет его на свободе? Подпольный цех клонирования вполне мог оказаться на станции, парящей в безвоздушном пространстве или на планете с непригодной для человека атмосферой.

Оставалось одно – ждать. Гордиан Рэкс еще раз посмотрел на собратьев по несчастью, откинулся на спину и заснул беспокойным, тревожным сном.

Глава 2

До смерти Бога остаются сутки

В тридцатый день месяца Тот, первого месяца своей трехсотшестидесятой зимы, Гордиан Оливиан Рэкс, демиург и бизнесмен, фехтовальщик и пилот, игрок и коллекционер, бездельник и ... и просто очень пресыщенный жизнью человек, пребывал на Зелене, в своем Ронском дворце и в удрученном настроении.

Триста шестьдесят лет – немалый срок. Особенно, когда вживленные в мозг искусственные нервы позволяют усилить твое восприятие, а искусственные клетки памяти – сохранять воспоминания каждого мига нетронутыми и яркими. Такими, как будто все случилось вчера.

Гор помнил многое.

Он помнил и свое первое воскрешение в палатах Кадрового Департамента Корпорации. И недолгие месяцы обучения. И долгие годы службы, когда в огне бесчисленных карьерных сражений он ковал свое обеспеченное будущее.

И тысячи межзвездных перелетов.

И миллионы сделок. И войны, которые вела Корпорация на окраинных и в закрытых кластерах.

И любовь, которую дарили ему случайные встречи в краткие дни увольнительных, свободные от напряженной работы.

Гор помнил все это четко и живо, той сочной и полной памятью, которая у обычных смертных характерна только для очень значимых, «незабываемых» воспоминаний. Картины его памяти имели качество видеозаписи, а беседы и диалоги – точность звуковой дорожки. Ведь Гордиан Рэкс был *Тшеду* – клоном с искусственным телом и уникальными пси-способностями, искусственно запрограммированными в нем при создании в клонической колбе.

Каждый из *Тшеду* обладал разным талантом. Талантом Гордиана являлся сетевой поиск. На расстоянии, без прямого подключения нейрошунта к глобальной Сети, погрузившись в мгновенный транс, он мог искать информацию в ее запутанных лабиринтах.

Результатом поиска могли стать и файлы, не включенные в глобальную Сеть, а сохранившиеся на дисках машин, не контактирующих с ней. Он мог напрямую разговаривать с любыми механизмами, обладающими необходимой степенью интеллектуального развития. Мог управлять автоматикой урбанизированных городов. Серверами космических станций. Навигационными компьютерами звездных кораблей. Всем.

То был уникальный талант, обеспечивший ему быстрый рост по служебной лестнице в годы работы на Нуль-Корпорацию.

Единственное, что Гордиан помнил плохо, а многое, пожалуй, не помнил вообще – это события до своего первого воскрешения, первую действительно настоящую жизнь в неизвестном мире, в честь которого он назвал главную звезду в своем единственном на данный момент частном кластере. Мир этот звался «Каталаун». Мир без Корпорации...

Триста шестьдесят лет – ничтожный срок для Бога и огромный для примитивной твари, которой является человек. Население созданных Гором миров ничтоже сумняшеся почитало его Божеством, Абсолютным и Единственным в своем роде (что было неправдой), Творцом вселенной и Создателем их миров (что вне сомнений являлось истиной). Однако сам Гордиан Рэкс всегда знал, что собой представляет.

В своей прошлой жизни он был мастером фехтования. Не Мастером с большой буквы, великим ратоборцем или прославленным бретером, а скромным учителем фехтования где-то в провинции. К сожалению, воспоминания Гора о том периоде оставались весьма туманны и расплывчаты – сказывалось отсутствие пси-способностей, инициированных в нем лишь в момент воскрешения. А с вереницами лет, пробежавших между тем мгновением и сегодняш-

ним утром, эти воспоминания истончились, превратившись в смазанные отрывки. В отзвуки голосов и блики. Истертые, как кадры старого, забытого всеми фильма.

По большому счету это не имело значения. Ибо Гордиан Рэкс являлся практичным (существом?) и старался жить своим сегодняшним днем, или, учитывая принципиальное бессмертие демиургов, – своим сегодняшним столетием, и не углубляться в тайны метафизики или самопознания. Однако воспоминания о прошлой жизни, настоящие или нет, будоражили его *Ka*, как ничто другое. Возможно, именно поэтому, каждый свободный день, а после достижения вершин карьеры их теперь у него было более чем достаточно, Гордиан старался проводить в своем тренировочном зале.

Рапиры и даги, тяжелые двуручные мечи и отлично сбалансированные «полуторачные» бастарды, опасные эстоки и хитроумные фламберги, хищные секиры и изящные трехгранные шпаги с замысловатой оплеткой эфеса – все это занимало теперь львиную долю его досуга.

Его старые коллеги, знавшие Гора еще со времен работы «полевым» коммивояжером, называли его «Харсомт» в честь любимого клинка Гордиана – великолепного длинного *копеша* с рукоятью, выделанной акульей кожей, и с позолоченным лезвием, отлитым (именно отлитым, а не выкованным) из ишед-оливина, так называемого «твердого золота» – искусственного металла, созданного Нуль-Корпорацией для бронирования космических станций и кораблей.

«Харсомт» – имя любимого оружия, пусть и антикварного, почему-то звучало для Гора восхитительной музыкой. Призывно и звучно. В устах соратников по работе это означало «клинок». И он гордился этим прозвищем, как бы его увлечение ни воспринимал весь остальной мир.

Однако демиурги Нуля, то есть акционеры «Корпорации Нулевого Синтеза» и владельцы собственных карманных миров, с которыми мистер Гор стал якшаться не так давно (собственно, после того как сам стал демиургом), называли его немного иначе.

Палач...

Гордиан Рэкс стал демиургом после известной операции на Седане, когда почти после ста шестидесяти лет преданной службы он дорос до должности диадоха кластера. В тот памятный год массовое движение *автохонов*, возглавленное их уродливой молодежью, вспыхнуло сразу на нескольких планетах Седана. Они вышли на улицы своих нечеловеческих поселений, не желая принимать тиранию Нуля и требуя равных прав с Человеком. И большинство соседей – людей-колонистов, проживающих в Резервации, – поддержало их в этом!

Ответ Нуль-Синтеза был безжалостным и эффективным. В течение трех дней планеты «чужих», охваченные движением, были зачищены до состояния кладбища. Двести нечеловеческих рас были уничтожены до последней особи, а всякая информация, содержащая код их генотипа, – стерта из глобальной Сети. Несколько миллионов людей-колонистов были расселены по ближайшим мирам. Звезды кластера, вокруг которых вращались мятежные планеты, были аннигилированы.

На четвертый день инцидента только облака радиоактивной пыли, в окружении безжизненных планет, лишенных даже океанов и атмосферы, вращались на месте, где еще недавно бурлила жизнь, сновали космические челноки, а межзвездное пространство озарялось светом тысяч переполненных небоскребами городов.

Гордиан Рэкс, диадох Седана, продемонстрировал тогда всему бесчисленному сонму миров, что гнев Корпорации может быть ужасающе страшен, а карающая длань – неизменно тяжела.

И поэтому имя его отныне звучало как проклятие.

Беспрекословно и точно выполнив чудовищные распоряжения Правительства Корпорации, он подвергся немыслимым нападкам прессы и удостоился ненависти всей мыслящей части человечества. Пораженные видимой решительностью и очевидной для общественного мнения жестокостью столь юного губернатора (сто шестьдесят лет – смех), уцелевшие беженцы окре-

стили Гордиана «палачом». Их вой подхватили СМИ – и вот, с легкой руки газетчиков, во всех обитаемых мирах Нуля его называли теперь не иначе как «убийца» или «седанский палач».

Для прекращения этих нападков, а также в качестве воздаяния за преданность, Гор был отозван со службы и досрочно выведен на пенсию. Как лицо, занимающее одну из высших командных должностей, он получил в собственность так называемый «ветеранский гонорар», то есть стандартный пакет акций Нулевого Синтеза, в мгновение ока сделавший его одним из демиургов Нуля, акционером этой вселенской структуры и фантастическим рантье. Немыслимо богатым человеком и полубогом собственного карманного мира!

Безусловно, Корпорация умела вознаграждать своих «псов».

* * *

Впрочем, никто из демиургов, с которыми Гордиан встречался в клубе, не смели называть его палачом открыто. Еще бы, жуткая слава внушала им уважение. Однако Гор знал, что за глаза его именуют именно так. Кроме того, особый блеск его кровавой репутации «истребителя чужих», вопреки всякому желанию самого Гордиана, придала способность эффективно обращаться с мечом и топором, которую он, не подумав, однажды продемонстрировал паре демиургов в тренажерном зале их клуба.

После нескольких впечатляющих финтов, выполненных Гором с помощью топора в левой руке и огромного палаша-хайландера в правой, отвратительное прозвище закрепилось за ним навсегда.

Гор-Палаш или Гор-Палач – так вскоре он стал именоваться даже в списке спортивной команды своего клуба.

На самом деле, мистер Рэкс не был кровожадным чудовищем, ненавидевшим чужих, и никогда ранее не выполнял карательных функций. Приказ на зачистку планет кластера Седан был принят в самых верхах правления Нуль-Корпорации и подписан лично Верховным Стратегом Нуля, утвержден Ареопагом Нуля и не отвергнут Учредителем.

«Нулевой Синтез» был жесткой структурой, и поддержание дисциплины на подконтрольных ей территориях и в рядах сотрудников проводилось железной рукой. Правила были суровы, и после ста шестидесяти лет службы диадох Гор четко осознавал, что отказаться от выполнения приказа он не имеет ни права, ни возможности.

Ибо «отказавшиеся» – утилизировались: во Вселенной, где люди и миры создаются искусственно, гуманизм не был в большой цене.

Став демиургом ста шестидесяти лет от первого воскрешения – возрасте, невысказанно молодом для подобного богатства и власти, Гордиан Рэкс оказался внезапно для себя на самой вершине социальной пирамиды. При этом он отчетливо (видимо, в силу «юного» возраста) отличался от большинства себе подобных.

Умудренная опытом и впечатлениями десятков и сотен тысячелетий, львиная доля демиургов смотрела на него снисходительно, как на необычайного везунчика, и даже, пожалуй, выскочку. Большую часть своего времени эти существа (право, их трудно назвать «людьми») предпочитали проводить в собственных кластерах – частных мирах, предаваясь отдыху и извращенным развлечениям, упиваясь своей абсолютной властью над рабами и вассалами, устраивая охоты на людей и оргии с тысячами наложниц.

Осознав свои новые возможности, Гор также немало времени (особенно в первые десятилетия своей, оплаченной Нулем, псевдобожественности) посвятил оргиям и множеству других экзотических удовольствий. В собственной, только что созданной им мини-вселенной. Однако он никогда не развлекался пытками и убийством людей, даже зная, что каждый из убитых и

замученных им рабов будет впоследствии воскрешен, чтобы вести свою никчемную и сытую обывательскую жизнь иждивенца НС в одном из продвинутых кластеров Корпорации.

Будучи слишком «юным» для настоящего демиурга, Гордиан еще не преодолел в себе тягу к настоящей деятельности, результативному труду, направленному на достижение определенной цели.

Он решил открыть свое дело.

Итогом кропотливой работы в этом направлении стало создание дочерней по отношению к Корпорации, маленькой компании сетевого поиска. Компания занималась поиском в ГИС информации на заданную тему, так сказать «под заказ». Структура размещения данных в ГИС, вообще, была крайне не систематизирована, кроме того, значительная часть файлов, содержащих ценные научные, исторические или индивидуальные сведения, защищалась кодировками, не доступными никому кроме лиц с уникальными талантами Гордиана Рэкса.

Конечно, поиск информации в глобальной Сети обеспечивал любой заваливший провайдер, компании которых как грибы, тысячами, плодились в любом из обитаемых кластеров Нуль-Корпорации. Однако Гор предоставлял заказчику информацию иного рода – закодированные, скрытые и секретные файлы, доступ к которым для других пользователей Сети был запрещен. Конечно, деятельность Гордиана проводилась под жесткой регламентацией закона, а множество данных, составляющих так называемый «секрет корпорации», находилась под запретом даже для него. Он мог с ними ознакомиться благодаря своим уникальным способностям, но продать или обнародовать не мог, под угрозой жесточайшего и молниеносного возмездия.

Впрочем, за рамками, ограничивавшими понятие «Секрет Корпорации», существовало множество других, более чем востребованных, сведений, тщательно скрываемых одними и необычайно интересных для других. Коды доступа в оригинальные частные вселенные, психологические матрицы могущественных врагов, генетические коды прекраснейших из наложниц, информационные реплики новейших технических разработок для их воссоздания в частных нуль-синтезаторах и многое, многое другое, закрытое для всех, но доступное ему, стало теперь предметом поиска демиурга Корпорации Гордиана Рэкса на многие годы его долгого и бессмысленного существования.

Богачи из числа акционеров Нуль-Синтеза, владельцы собственных миров и сотен тысяч человеческих душ, выкладывали немыслимые суммы за матрицы искусственно выращенных экзотических животных, понравившихся рабов или реплики уникальных произведений искусства, случайно увиденных ими «в гостях у друзей», для украшения своих апартаментов и услаждения своей никчемной жизни.

Гордиан Рэкс предоставлял все это. Не забывая, впрочем, копировать все найденное в память «Ордалангамзада» – собственного изолированного от Сети электронного хранилища, размещенного в глубине Феракура, седьмой планеты его частного домена.

Работа была интересной, заказы – крупными, а бизнес – успешным. Иногда Гору казалось, что он достиг всего, о чем можно мечтать, и скука – эта вечная спутница вечности – посещала его чаще, чем он того хотел. Единственное, что в последнее время будоражило его кровь и сознание, являлось ожидание *Хеб-седа*.

Хеб-сед был явлением уникальным, характерным лишь для класса пресыщенных жизнью демиургов. Он не диктовался биологической, технологической, экономической или политической необходимостью – Хеб-сед был традицией бессмертных.

Тела демиургов, способных оплатить Корпорации не только реинкарнацию, но и вечную молодость, никогда не старели, в отличие от тел смертных. Если сто двадцать—сто пятьдесят лет были принципиальным пределом, за которым следовала либо могила, либо «рабский контракт» для рядового обывателя, то для геномодифицированного тела демиурга-акционера даже тысячелетие не было роком, достаточным для начала физиологического износа организма.

Демиург Нуля мог жить вечно, если его жизненный путь не прерывала насильственная или случайная смерть. Только в этом случае сознание демиурга, скопированное в ГИС в момент смерти, переносилось в новое клонированное тело и его жизнь обновлялась новой физической оболочкой.

Поэтому один раз в триста шестьдесят лет – именно столько занимал условный эзотерический «Год Атума» в Континиуме НС – каждый демиург проходил бессмысленный и полумистический ритуал Хеб-седа, корни которого уходили в глубину тысячелетий. За грань, очерченную историей Корпорации.

Хеб-сед был данью обычаям, традиционной, проводившейся раз в триста шестьдесят лет принудительной реинкарнацией людей-полубогов. Его обязательность была безоговорочной для каждого бессмертного и подтверждена специальным законом Нуль-Синтеза «О периодической реинкарнации».

Вне зависимости от состояния здоровья и собственного желания всякий демиург в процессе Хеб-седа заменял свое тело на новое. По мнению психологов и историков, анализировавших истоки этого странного обычая и подтвердившего его закона, принятого на самой заре существования Нулевого Синтеза, он объяснялся необходимостью внести элемент обновления в устоявшуюся жизнь этих почти вечных существ.

Бессмертное *Ka*, душу демиурга заменить было нельзя, однако можно было сменить тело. Новое тело всегда приносило с собой новые ощущения, новое осознание себя, почти всегда – смену привычек, вкусовых пристрастий, особенностей характера и темперамента. Незыблемой оставалась лишь память.

Демиург Гор был воскрешен в 720 году четырнадцатого тысячелетия из Сотни Стратига Октавиана, 1111-й эпохи Нулевого Синтеза, десятой эры Хеба Хорнатора.

Сто шестьдесят лет он отдал преданной службе Нуль-Корпорации, завершившейся, к его счастью и к несчастью двадцати миллиардов чужих, кровавым седанским делом.

Ровно двести лет после Седана он был демиургом, абсолютным богом Тринадцати Миров и счастливым обладателем биллионов кредо.

И вот сегодня, на тридцатый день месяца Тот, 1080-го года четырнадцатого тысячелетия правления Стратига Октавиана, спустя триста шестьдесят лет после воскрешения в Индустриальном центре Кадрового департамента Нуль-Корпорации, таинственный и немного пугающий Хеб-сед ожидал его.

До истечения очередной жизни оставались сутки. «Смерть Бога» приближалась.

Глава 3

Знакомьтесь, электронный ошейник

Просто дом...

Вздрыгнув всем телом, Гордиан Рэкс проснулся – разбудивший его шум не был похож на размеренные звуки, сопровождавшие занос очередного тела.

Вокруг кричали.

Демиург осмотрелся. В коридоре орудовали шесть человек в уже знакомых ему мешковидных халатах. На сей раз все шестеро были вооружены электрическими дубинками полицейского образца и экипированы здоровыми связками наручников на поясе.

Одиннадцать клеток слева от Гора, пустовавшие ранее, были заполнены, но шум пришел не оттуда. Шестеро санитаров, как и следовало ожидать, начали с дальнего конца коридора.

Клонов вытаскивали по одному, и каждому выдавалась одежда – широкая синтетическая футболка свободного покроя, подходящая скорее на античную тунику, чем на спортивную форму, и длинные свободные шорты. На ноги выдавались легкие тканые боты без шнуровки, более похожие на узкие медицинские бахилы с подошвой, чем на реальную обувь. Все предметы – яркого синего цвета.

Затем санитары надевали на клонов наручники, а на шею застегивали странный предмет, напоминающий узкий металлический шнур с небольшим прямоугольным утолщением. По внешней стороне этого «ошейника» дугой проходила узкая, длинная алая полоса, горящая слабым электрическим светом. Закованных клонов соединяли длинной металлической цепью, вдевавшейся в специальный паз на каждом из ошейников. И ставили на колени вдоль бетонной стены напротив клеток в той же очередности, в которой они изымались из своих ячеек.

В целом, как оценил происходящее Гор, ничего ужасного не происходило. Клонов просто готовили к выходу из адаптационной камеры. Кошмар, вероятно, должен был последовать чуть позже...

Когда подошла очередь Гордиана, тот, уже приготовившись к процедуре, не сопротивлялся. Вскоре длинная вереница из пятидесяти несчастных была готова и их вывели из помещения.

Осторожно, стараясь не привлекать внимания сопровождающих, создатель Тринадцатимирья огляделся – за дверью начинался длинный коридор, упирающийся в широкую лестницу, ведущую наверх. Процессия поднялась по лестнице и направилась по извилистому коридору.

Сначала Гордиан пытался считать повороты, однако вскоре отвлекся и потерял направление. Новое тело обладало не только иными физическими показателями, но и иным мозгом. Навыки фотографической памяти, присущие каждому *Тшеди*, отсутствовали напрочь. Оставалось просто внимательно смотреть по сторонам, концентрируясь на отдельных деталях.

Общее впечатление от окружающего оставалось довольно удручающим. Клонов окружали все те же серые бетонные стены, что и в «отстойнике», но здесь помещения оказались очень просторными – то были настоящие крытые улицы и площади. Окон не имелось, а мягкий электрический свет исходил от крупных квадратных светильников, свисавших с потолков. Несколько раз процессия проходила мимо металлических дверей, с виду похожих на сейфовые – с толстенными стенками и мощными многоярусными замками.

Мимо пробегали люди в длинной черной однотипной одежде с каким-то гербом, вышитым цветными нитками на тканном щитке в левой части груди. Гор присмотрелся и, пройдя мимо нескольких таких встречных, с удивлением уловил суть изображения – то был стилизованный змееподобный дракончик, сгорающий в пламени. Символ оказался ему совершенно не знаком, а одежда отличалась от общепринятой формы работников Нуля. Это еще раз навело Гордиана на мысль о пиратском происхождении его нового тела, поскольку по всем извест-

ным вселенным клонированием официально занимались только фабрики Нуль-Корпорации, или, как ее называли официально, «Производственно-коммерческое объединение предприятий Нулевого Синтеза».

У всех сотрудников, попавшихся навстречу закованной в наручники процессии, имелись шунты, причем не запаанные, а, судя по внешнему блеску хромированных «шапок», вполне рабочие.

В каком-то смысле все это обнадеживало Гордиана: в таком крупном и хорошо оборудованном комплексе просто не могло не быть столь важной для изолированной базы техники, как аппарат межкластерной связи. А металлические сейфовые двери, защищающие отдельные помещения, явно имели электронную начинку. Такие двери хороши против обычных взломщиков, но не подобных Гордиану хакеров-*Тшеди*. Как только его способности восстановятся хоть до сколько-нибудь приемлемого уровня (если восстановятся), то для него не составит труда, нейтрализуя проходящих мимо сотрудников через их нейрошунты, вскрыть замки, проникнуть внутрь и добраться до аппарата связи, – подумал Гордиан.

Несмотря на категорическую смену тела, черепной коробки и даже самого мозга (господи, где они теперь, перемалываются должно быть в каком-нибудь утилизаторе), пароли доступа к закрытым тревожным линиям все еще сохранялись в его памяти вместе с основами личности и образования. Тут по счастью способности *Тшеди* были не нужны, и система передачи информации в процессе реинкарнации сработала вполне хорошо. И это означало: если Гор сможет добраться до аппарата связи, он сможет войти в глобальную Сеть. А если войдет в Сеть – сможет связаться с Эс. Си. Руксом или с ближайшим диадоксом сектора. Да с кем угодно!

Гор знал, что восстановление пси-способностей, если оно вообще будет иметь место, может занять от месяца до нескольких лет. С одной стороны – совсем не долго, но с другой стороны – их еще необходимо было прожить!

В обычных условиях *Тшеди* выращивались искусственно и Корпорация Нулевого Синтеза массово штамповала их так же, как производила миры. Но даже тут существовали определенные сложности.

Наука «Нулевого Синтеза» обладала почти абсолютной властью над материей, подчас шокирующей своими возможностями. Однако над духом – нет. Умения же, определяющиеся наличием пси-способностей, относились скорее к духовной составляющей человеческого существа.

Первым фактом, которые ученые Нуля смогли установить относительно экстрасенсорных и телепатических возможностей *Тшеди*, была некая связь между генотипом телепата и его сверхъестественным талантом.

Вторым фактом было то, что люди определенного генотипа могут являться носителями пси-составляющей, а другие – не обладают этой возможностью в принципе. За свою долгую историю Корпорация случайным образом выявила множество людей, имеющих такие способности. Их генотип тщательно изучался, копировался и регистрировался в особом каталоге. Затем из генома, отобранного из каталога по специальному принципу, создавался клон. Тысячелетняя статистика показала, что в среднем только один из пяти миллионов подобных «генетически» отобранных клонов обладает способностями *Тшеди*, но умники из Корпорации решили проблему штамповки экстрасенсов легко, учитывая неограниченность ресурсов у этой вселенской организации.

На фабрике создавалось пять миллионов клонов, в генотипе которых закодирован фактор «пси», и один или два из них обладали даром. Такие клоны становились будущими сотрудниками Нулевого Синтеза, администраторами или учеными, военными или инженерами. Их ждало блестящее будущее, бескрайние перспективы и, как итог карьеры через несколько тысячелетий, – «ветеранский» гонорар, миллиарды кредо, собственные акции, кластеры, статус демиургов Нуля и бессмертие.

Остальные четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять или восемь несчастных ... утилизировались. По крайней мере именно этим жизнеутверждающим словом называлось неспешное шествие миллионов людей к топкам крематориев под вооруженным конвоем.

Особенность пси-операторов *Тшеди* заключалась в том, что выявить наличие соответствующих способностей в теле можно было только в момент их непосредственного применения и никак иначе. Следовательно, в спящем или в бессознательном состоянии способности *Тшеди* не определялись. Даже в осознанном состоянии одного инициированного *Тшеди* мог почувствовать только другой инициированный *Тшеди*. Приборы же могли регистрировать только непосредственные проявления пси-воздействия. Например, огонь при пирокинезе или перемещение предметов при телепортации.

Следовательно, каждый раз при создании из очередного генома с опытной партией в пять миллионов клонов сотрудники Кадрового департамента должны были загрузить в сознание каждого клона сознание и память, и только потом проводить тесты на наличие пси. После выявления пси-способностей людей-клонов с полным комплектом памяти, разумом, инстинктом самосохранения, в полной мере осознающим собственную личность, приходилось банально убивать.

Так что работка у кадровиков Корпорации была покруче, чем у чистильщиков из Департамента геноцида. «Неудачных» клонов разбивали на партии по тысяче человек в каждой и в порядке «живой» очереди выводили в огромные специализированные крематории. Кошмарным потоком, в течение нескольких дней их сжигали, подводя к топкам по бесконечному конвейеру, пять миллионов – все-таки это много...

С возрождением способностей после Хеб-седа дела обстояли несколько лучше. Фактор пси действительно был духовной категорией, нежели физической особенностью мозга. В результате, спустя некоторое время после реинкарнации, новое тело-носитель, получившее сознание бывшего *Тшеди*, каким-то немислимим образом генерировало внутри себя способность к старому экстрасенсорному таланту. Что и требовалось Гордиану в данном случае.

Проблема состояла в сроке. Зачастую на это действительно уходило несколько лет. Но ведь для бессмертных годы как минуты, не правда ли?

Гордиан вздохнул...

Через некоторое время клонов вывели на широкую площадь с ровным полом, выложенным металлическими плитами. Помещение казалось огромным даже по сравнению с предыдущими. Высота потолка здесь составляла, как минимум, метров двенадцать. В подземном холле (а в том, что они находились под землей, Гор уже практически не сомневался) такие потолки впечатляли.

Несчастных построили в одну длинную линию, так и не освободив от общего, связывавшего их ошейники металлического шнура. Санитары незаметно удалились, обменявшись несколькими фразами и кивками с заменившим их настоящим конвоем и предав старшему конвоя какие-то бумаги. Кроме передачи бумаг, старший конвоя и один из санитаров обменялись, по всей видимости, цифровой информацией.

Каждый достал из кармана некий предмет, похожий на рукоять ножа без лезвия. Сделав несколько нажатий на кнопки и штырьки на этой рукояти, они явно что-то сверили или перекачали через бесконтактный порт, а затем прокомментировали это вслух одобрительными возгласами и покивали головами. Пультики радостно замигали и пропищали примитивную мелодию, видимо, подавая сигнал, что требуемая техническая операция выполнена. Лучше рассмотреть предметы не было возможности, поэтому Гордиан снова переключил свое внимание на конвой.

Было понятно, что новые сопровождающие – именно конвой, а не простые санитары: они держали в руках не электрические дубинки, а замысловатой формы стрелковое оружие, вид

которого вызвал у Гордиана давно забытые ассоциации. Он присмотрелся, незаметно изучая механизм.

Закончив осмотр, Гор мысленно присвистнул – похоже, он просто сходил с ума! Перед ним были ... настоящие пороховые ружья! Причем крайне примитивной конструкции.

Каким образом на фабрике, даже пиратской, выпускающей клонов на сверхсовременном оборудовании, могло использоваться огнестрельное оружие вместо энергетического?! Бред, – заключил Гордиан, – просто бред.

Между тем конвоиры окружили линию клонов и вперед вышел человек, принявший от санитаров бумаги. В отличие от последних, человек был облачен не в просторную белую хламиду, а в короткий камзол оранжевого цвета и в головной убор, более всего напавший Гору треугольную шляпу с отворотами. В отличие от собственных товарищей, вооруженных длинными ружьями, он имел на боку антикварный пороховой пистолет с деревянной рукояткой и короткий прямой меч с замысловатой гардой. Память старого коллекционера подсказывала Гордиану, что такое оружие называлось «Katzbalger». И являлось некогда одним из самых распространенных видов холодного оружия у древней пехоты. Впрочем, сейчас этот странный и никчемный предмет не вызывал у Гора ничего кроме недоумения. Одной рукой человек держал под мышкой папку с бумагами, а в другой – тот самый пульт, похожий на рукоять ножа без лезвия. Все застыли.

– Внимание, отребье! – проорал начальник конвоя. – Меня зовут старшина Гаврин. И отныне я – ваш отец, мать и ночной кошмар в одном лице. Вам всем, уроды, звать меня только «мастер старшина Гаврин». Все слышали, недоноски? Говорю один раз и повторять не буду. Кто не запомнит и не поймет – пусть пеняет на себя.

Он перевел дух и продолжал:

– Вы рождены и выросли в разных местах. У каждого из вас была другая жизнь и другая внешность. Забудьте о них! Если вы заметили, – а вы, твари, заметили, – у каждого из вас теперь другое тело. Это тело искусственно выращено в нашем Храме и досталось мне и моему хозяину не бесплатно. А значит, отныне все вы его собственность. И все вы – поганые ничтожные сервы, *рабы!* От каждого из вас, от тебя, от тебя, и от тебя – он прошел вдоль ряда клонов, с силой тыкая их в грудь рукой с выставленными вперед указательным и средним пальцами, – будет зависеть дальнейшая судьба – сдохнуть или выжить. Неповиновение будет караться мучительной смертью. Послушание – жизнью!

Гаврин поднял руку с пультом и помахал им в воздухе:

– Для горячих голов скажу сразу: побег невозможен! Ошейник на каждом из вас сообщит мне и нашему хозяину о местонахождении сбежавшего подонка, где бы тот ни находился. К тому же ошейник может наказывать болью за нерадивость и непослушание. Вот так, чтобы вы поняли!

И он нажал на выступ сжатой в ладони рукояти.

Боль ударила им в виски!!!

Жесткий спазм невероятной силы и интенсивности как молния пронзил каждую клеточку тела. Удар был настолько резким, внезапным и сильным, что Гордиан даже не закричал, подавившись воздухом. Огненная вспышка мгновенно залила все. Казалось, внутренности сейчас хлынут от напряжения через поры или пупок. Легкие горели, как от раскаленного расплавленного железа, залитого внутрь, а мышцы свело судорогой, столь сильной, что он почти чувствовал, как рвутся сухожилия.

Пытка была мгновенной, но невыносимой. Тяжелым мешком Гор даже не упал, его просто снесло на пол. Плающая кожа с размаху врезалась в землю, но Гордиан не чувствовал удара. Сознание застыло в немом ступоре, пораженное открытием того, каких граней могут достигать человеческие страдания, если применять продуманный научный подход!

Когда спала алая пелена и Гор смог нетвердой рукой, дрожащей от веса наручников, стереть пену с губ и слюни с подбородка, он поглядел вокруг.

Вихрь боли швырнул наземь не только его.

Повалились все. Стенающая и дрожащая от только что перенесенной агонии куча дрожащих тел, недавно бывшая пятьюдесятью здоровыми мужчинами, содрогалась на земле.

– Встать! Встать свиньи! Стоять перед старшиной! – орали подскочившие охранники, пинками и ударами дубинок заставляя дрожащих людей подниматься на ноги.

Несмотря на то, что тело повиновалось с трудом, Гордиан поднялся сам, не желая попасть под горячую руку и случайный удар – видимо, боль, хотя и была необычайно сильной, не наносила организму серьезных повреждений. Однако большинство его товарищей пребывало в шоке от экзекуции. Они продолжали лежать на земле, мелко подрагивая, пока охранники не разбили им лица в кровь, новой болью заставляя забыть о старой.

Спустя несколько минут все снова стояли на ногах, и процессия двинулась вперед, подгоняемая окриками и тычками конвоя. Их выгнали в еще один широкий коридор, поднимающийся вверх под значительным уклоном.

Вскоре сквозь мощные входные ворота их вывели наружу.

Глава 4

Удивительные визиты

Корабли шли бесшумно, поскольку внепространственные двигатели не шумят.

Корабли шли плавно, поскольку каждая из палуб имела свой гравитационный режим, неизменный при любом ускорении.

Они шли стремительно, покрывая парсеки и с каждой секундой приближая *особых* гостей к планетам Тринадцатимирья.

Нужно отметить, что силовое поле Кольца Ин-Гидасп покрывало охраняемое пространство полностью и постоянно. Поэтому ни одно космическое судно не могло пройти сквозь Кольцо ни в обычном режиме, ни через «гипер». Все космические транспорты, пребывающие в личную Вселенную Гора после долгого путешествия, швартовались за пределами Кольца на орбите тринадцатой планеты Табу.

Гости на челноках покидали корабль, приземлялись на пограничной планете и проникали внутрь Тринадцатимирья через нуль-порталы, ведущие из приемных залов Табу прямо на Шагрон I на орбите Залены.

Подобная система защиты являлась стандартным правилом для частных кластеров, поэтому проникнуть в любую из закрытых Вселенных можно было только лично. Так сказать, «пешком» через нуль-портал. А корабли посетителей оставались за чертой, отмеченной мрачным Кольцом, на изолированной планете и никогда не проходили незримой границы таинственного частного мира.

Обычно только сам хозяин кластера, в данном случае демиург «Нуль-Синтеза» Гордиан Рэкс, мог позволить себе материализовать свой корабль внутри Кольца Ин-Гидасп на орбите любой искомой планеты – от Чакана до Аира на выбор. Но создатель Тринадцатимирья считал себя человеком «традиционным» и старался придерживаться общих правил прохода в систему, установленных им самим для собственных гостей. Он сам оставлял свой космический эскорт на Табу и вместе с незначительной свитой и спутниками отправлялся на Шагрон I через нуль-порталы.

Однако сегодня, в связи со спешкой последних дней и особым статусом визитеров, Гордиан Рэкс решил пренебречь установленными правилами посещения и распространить одну из своих многочисленных личных привилегий на оба прибывающих корабля.

В уведомлении о визитах было сказано:

«Гору Рэксу, демиургу Нуля, демарху!
От Тэдди Октавиана, Верховного Стратига Нуля – Хайре!
Мистер Гор! Памятуя о нашем прошлом сотрудничестве, прошу Вас о
встрече для обсуждения конфиденциального вопроса.
Буду 30.01.1080 г. в первой половине дня.

Удачного Хеб-седа!
Октавиан».

Таким было первое уведомление, содержание же второго было несколько более простран-
ным:

«Гордиану Оливиану Рэксу,
демиургу Корпорации Нулевой Синтез.
От Питера Тициана Аякса,
Верховного Архонта (Председателя) Ареопага НС – Хайре!

Уважаемый хапи Гордиан! К сожалению, я не имел возможности познакомиться с Вами в прошлом, однако, учитывая обстоятельства, к счастью или к несчастью Вам неизвестные, нас объединяют проблемы, тонкости которых мы могли бы обсудить в обстановке личной встречи, о которой я и смею просить Вас настоящим письмом.

Прибуду к границе Вашего кластера завтра, Тридцатого дня месяца Тот во второй половине дня.

Анх-уджа-сенеб!
Желаю удачного Хеб-седа!
Искренне Ваш,

Питер Аякс.

P. S. Прошу извинить меня за некоторую навязчивость и внезапность визита.

P. P. S. Надеюсь, я не отвлек Вас от важных, срочных или частных дел».

Создатель Тринадцатимирья сидел за рабочим столом в своем Дубовом кабинете любимого Ронского дворца на Зелене и, мучаясь от безделья и недобрых предчувствий, изучал рисунок древесных волокон на паркетной доске.

Помимо рабочего стола в кабинете располагался большой Круглый стол для совещаний с чудесным председательским креслом, украшенным замысловатой резьбой; астролыбия и глобус, изображающий поверхность Зелены; два старинных и совершенно ненужных книжных шкафа (между прочим с книгами – жуткий раритет); четыре мягких дивана, поставленных полукругом вокруг натурального шерстяного ковра в ближневосточном средневековом стиле, а по стенам – четырнадцать писанных маслом картин. Однако при всем многообразии мебели кабинет казался Горю досадно пустым, поскольку был неумеренно велик. При этом уменьшить габариты рабочего помещения Гордиан не решался, ибо в комнате меньших размеров весь этот антиквариат начинал давить на него своей мнимой тяжестью.

В принципе, встречать важных гостей в комнате, отделанной деревом, было своего рода замысловатым выпендрежем: древесина давно не использовалась ни в строительстве, ни в отделке роскошных интерьеров, она была материалом, слишком горючим и не слишком устойчивым к влаге. Кроме того, богатые люди, мнящие себя эстетамы, либо желающие поразить гостей, использовали для отделки приемных более экзотические материалы – например, редкие минералы или кристаллы на углеродной основе. Также на хорошем счету были искусственные водопады вместо стен или объемные голографические экраны, имитирующие бескрайние просторы природы.

Но демиург Гор имел склонность к более вычурному, глубокому уровню нарциссизма и самолюбования. Поэтому его кабинет был отделан дубом.

Хозяин Тринадцатимирья еще раз пробежал глазами строчки обоих писем. Письма были короткими, а гости – неожиданными и высокими!

Сразу два высших должностных лица Корпорации, Верховный Архонт и Верховный же Стратиг, иными словами – Руководитель Собрания акционеров и фактический Председатель правительства Нулевого Синтеза, решили почтить его относительно ничтожную персону своим присутствием.

Причем – почти одновременно.

Причем – перед важнейшим событием за последние двести лет: первым в жизни сознательным Хеб-седом.

Как говорили на его гипотетической прародине в городе Доростол неизвестного мира из неизвестного времени – «есть пицца для размышлений». Или нет?

Глава 5

Глава Правительства Тэдди Октавиан

Было утро, одиннадцать часов. Корабль первого визитера стремительно и круто заходил на посадку.

Ронский дворец раскинулся на берегу одноименной реки и занимал (как и все дворцы Гордиана) значительную площадь. Дворцовый космодром располагался как минимум в десяти километрах от фасада центрального здания, однако сейчас, стоя у витража своего кабинета, Гор мог прекрасно видеть сквозь стекло его окон хищный и узкий силуэт огромного личного транспорта Тэдди Октавиана – Верховного Стратига Нуль-Корпорации и фактического правителя бесчисленного сонма кластеров Нулевого Синтеза.

Тэдди Октавиан, судя по всему, имел недюжинную склонность к впечатляющим визуальным эффектам. Поэтому сегодня он прибыл на Залену на галактическом крейсере – ни больше и ни меньше. Большого, впрочем, не позволяли габариты космодрома – линкор и даже линейный крейсер там бы просто не поместились. А меньшего, как видно, не могла принять широкая натура господина Стратига.

Гор прикинул, что легкий галактический крейсер главы правительства займет не менее половины посадочной площади его космического терминала. Обычно суда такого размера оставались на орбите, а на поверхность планеты приземлялись только челноки. Однако сегодня был явно не тот случай. Мистер Октавиан вечно спешил, изображая занятого делового человека, ежесекундно озабоченного решением глобальных проблем человечества. И вот сейчас, всего пару часов назад получив разрешение с Табу на посещение Залены и пронзив за эту пару часов расстояние, разделяющее край системы Тринадцати миров с его центром, крейсер Верховного Стратига заходил на космодром в ускоренном режиме, буквально разрывая небеса планеты титаническим напряжением гравитационных полей своих тормозных двигателей.

Гордиан отошел от окна в центр зала и откинулся в кресле. А спустя пятнадцать минут Тэдди Октавиан Трэвис, или же, согласно геральдическим грамотам демиургов, «хапи Т.О.Т.», блистая начищенными армейскими сапогами, без сопровождения обязательных при визитах столь важной персоны ликторов, ворвался в его кабинет. Пренебрежительно махнув сопровождению рукой, он дал знать, что аудиенция будет конфиденциальной. Эскорт Октавиана и охрана Гора, повинувшись беззвучному приказу и несколько подавленные манерами важного гостя, испарились из зала.

Октавиан, не здороваясь и не спрашивая разрешения, выдвинул стул и сел. Мужчины внимательно осмотрели друг друга. Октавиан имел рост скорее средний (что было удивительно для искусственного выращенного человека, поскольку клоны обычно обладали высотой и статью), крупные черты лица, мощную шею и пронзительный, немного жуткий своей обжигающей уверенностью взгляд внимательных серых глаз.

Поверх черной рубашки с высоким воротом был накинута простой синий армейский френч офицера Космического флота без знаков различия, наград и эполетов.

Вся фигура Верховного Стратига, казалось, излучала непоколебимое упорство и власть. Однако Гордиан знал – это являлось лишь видимостью реальности.

Экстрасенс вздохнул и немного сконцентрировался, не закрывая глаз. Яркие энергетические потоки проходили вокруг и сквозь силуэт Верховного Стратига, окружающие предметы слегка затуманились, покрывшись муаром, как дымкой в предрассветном тумане. Фигура Октавиана излучала свет с изогнутыми, кривыми лучами. То было сияние его Дара, видимое лишь для *Тшеди*...

Стоп!

Глава правительства повел рукой, и смазанная картина энергетических линий и размытых теней смялась, превратившись в обычный мир шести чувств и трех измерений.

– Осторожнее, мистер Рэкс! – холодно произнес Тэдди Октавиан. – Привычка видеть вокруг не обладающих Даром обычных двуногих может когда-нибудь неприятно огорчить вас.

– Извините, – Гордиан кивнул, выражая сожаление, которого на самом деле не чувствовал: этот властный и наглый человек, которому он, в принципе, был обязан и богатством и карьерой, почему-то не вызывал у него приятных или дружеских чувств.

– Пустое! Будьте внимательнее впредь.

Гор сдержанно кивнул, стараясь быть в меру вежливым.

Октавиан помолчал, оттарабанил пальцами по столу какой-то незамысловатый ритм, ожидая от Гора подобострастного продолжения. Но тот молчал.

Тогда Верховный Стратиг вновь одарил Гордиана своим волчьим взглядом и начал сам.

– Я вижу, сударь, вы несколько не удивлены моим визитом, – то ли спросил, то ли констатировал гость. – Вас не волнует, зачем глава правительства Корпорации заявился к рядовому демиургу собственной персоной?

– На самом деле удивлен, сударь, – не задумываясь, ответил Гор. – Это ответ на ваш первый вопрос. Что же касается второго, то его разгадке я посвятил все время, прошедшее от получения вашего письма. М-м, полагаю, здесь есть два варианта. Менее вероятный такой: внезапно всплыло дело о достопамятной седанской казни и началось новое разбирательство. Других серьезных грешков за мной последние тысячелетия не водилось. Скажу откровенно, сударь, этот вариант неприятный, однако, слишком притянутый за уши. Ибо ради такого дела сам Верховный Стратиг не примчался бы в такой спешке и не писал бы загадочные письма – хватило бы и официального уведомления из канцелярии. Второй вариант проще, а значит, вероятней. Я не только демиург Нуля, но и владелец собственной компании, оказывающей поисковые услуги в глобальной Сети. А у вас есть для меня заказ!

Октавиан хмыкнул.

– Ну что ж, вы совершенно правы, хотя догадаться на самом деле было не сложно.

Гор вяло пожал плечами.

– Я не буду отнимать у вас время попусту, сударь, и сразу перейду к делу, – сказал тогда Верховный Стратиг. – Сейчас приготовьтесь слушать и задавать вопросы. Речь пойдет о явлениях, с которыми большинство людей, кроме высших должностных лиц Корпорации, не сталкивались никогда в жизни, но которые, тем не менее, оказывают значительное влияние на функционирование не только высшего аппарата Нулевого Синтеза, но и, не побоюсь этого слова, всего Человечества. Выражаясь корпоративным сленгом, я говорю о так называемом «Феномене Аннубиса». Знакомы с термином?

Гор покачал головой.

– О Иешуа! – Октавиан притворно воздел очи горе. – Меня всегда поражало, насколько современное поколение крайне слабо осведомлено о фундаментальных основах нашего существования!

– Так поясните, и моя неосведомленность перестанет вас забавлять, – немного резко посоветовал Гор, поскольку манеры Стратига уже стали раздражать его.

– Разумеется! – не менее грубо отрезал Октавиан. – Коротко так: если отказаться от сложных и заумных объяснений, под «Феноменом Аннубиса» понимается комплекс явлений, в которых проявляется существование легендарного Учредителя Нуля – гипотетического Творца Сущего. Это механизмы, посредством которых он контролировал наш, человеческий, мир через Корпорацию. Так называемые Первичные Коды – *Пиент* и *Атеф*. Говоря языком религии – «Аз есмь Альфа и Омега». Вам конечно неизвестно, но именно такая формулировка выходила на экраны монитора, когда я обращался через ГИС к Учредителю. «Феномен Аннубиса» – это проявления Бога в машинах Нуль-Корпорации, его присутствие в программах

Нуль-Корпорации и его вмешательство в управление административными структурами Нуль-Корпорации. Вы следите за мыслью?

Гордиан покачал головой:

– Пытаюсь. Вы, однако, нашли интересный предмет для разговора...

– Я бы сказал – интереснейший из возможных, мистер Рэкс. Представьте себе, мои аналитики, изучая древнюю историю Корпорации, пришли к выводу, что Аннубис – не просто набор символов, придуманный неким гипотетическим программистом для обозначения механизмов, через которые он, то есть Творец, управляет нашим миром, а, собственно, одно из общеизвестных в прошлом его имен, а точнее – имен темного божества древних, Бога Смерти, приведенных на неизвестном нам протоязыке. Аннубис – не просто слово-код, которым в компьютерных программах обозначают Учредителя, это – неотъемлемая часть человеческой истории. Я знаю, что вы – коллекционер антиквариата, а значит, должны быть знакомы с мифологией Нуля. Установлено, что Аннубис, как имя смертоносного божества, упоминается в религиях всех ста сорока четырех Вселенных, созданных изначально. Вы понимаете? На каждой из планет каждой из десятков тысяч изначальных Вселенных существовали религии, с разным пантеоном божеств, но в каждой из этих религий было место для ужасающего Бога Смерти, который на миллиардах языков обозначался одним и тем же набором звуков – Ан-ну-бис.

Гор помолчал, немного шокированный полученной порцией информации.

– Интересно, – заявил он. – Я знаком с историческими легендами Корпорации, однако о конкретном количестве изначальных кластеров слышу впервые. Значит, в начале всего, в начале творения искусственных Вселенных было только сто сорок четыре?

– И ни единой больше!

– Ну что же, считайте, вы заинтересовали меня, сударь. Этот факт, безусловно, дает пищу для размышлений. Например, о возрасте Нуль-Синтеза, учитывая скорость увеличения числа кластеров и их количество на данный момент.

Гор сделал небольшую паузу – Стратиг молчал.

– Однако, – продолжал Гор, – нить нашей беседы приводит к странному выводу. В принципе, факт существования Учредителя и его скрытого влияния на человеческие миры через Корпорацию общеизвестен. Я был не знаком лишь с термином, которым администрация Нуля обозначает это влияние. Мне всегда казалось, что божественность Учредителя – фикция, за которой скрывается не более чем банальная мистификация, подкрепленная неограниченными техническими возможностями человека, контролирующего Нулевой Синтез. Но сейчас я слышу, что при упоминании Творца вы делаете ударение на местоимениях Он и Его, как будто произносите их с заглавных букв. Вероятно, это должно выглядеть как доказательство внутренней убежденности не только в его существовании, но и его божественности! Вы произносите его имя просто с придыханием – это вера в Бога, не так ли?

Стратиг поморщился.

– Не совсем. С одной стороны, сомневаться в том, что Бог Корпорации, именуемый в Сети Учредителем Нуля, существует, оснований нет. Я, видите ли, являюсь главой правительства уже четырнадцать тысяч лет. В течение большей части этого срока я еженедельно сдавал Ему отчеты о состоянии дел в Корпорации через Сеть, причем каждый раз получал конкретные и разумные указания по каждому даже мелкому вопросу. Миллионы людей во множестве вселенных до последнего времени регулярно переписывались с Ним, причем это были не только работники Нуля, но и рядовые граждане. Существование Учредителя для меня всегда было реально, поскольку должностные лица, не выполнявшие его распоряжений, умирали, и их не спасала ни современная медицина, ни возможности реинкарнации. Вот факт, доказанный опытом: наказанного Учредителем невозможно воскресить, несмотря на усилия врачей и исправность техники, – это противоречит научным данным, но обстоит именно так.

– То есть Бог существует?

– Я бы сказал, существуют безусловные проявления его существования, не более. Вопрос в другом. Является ли «Феномен Анубиса», то есть все вышеперечисленные необычные явления, действительным выражением сверхъестественной сущности Творца, или же я имею дело всего лишь с имитацией его существования, «мистификацией», как вы выразились? Такая имитация возможна, при этом она может являться предметом деятельности отдельной человеческой личности, группы лиц, целой «внекорпоративной» цивилизации и, наконец, компьютерным разумом, программой, заложенной настоящим Творцом при создании Нуль-Корпорации. Вы, сударь, улавливаете смысл?

Гор кивнул, и Октавиан, внезапно вскочив со стула, стал расхаживать по персидскому ковру, продолжая свой монолог и активно жестикулируя руками.

– Доказательств ни первого, ни второго, сударь, не существует. Вопрос остается открытым, и от этого вопроса я перехожу к следующему, важнейшему. Каковы истоки происхождения Континиума Нуля и нашей громадной Корпорации – всех этих бесчисленных вселенных-кластеров, которые я признаю существующей реальностью? Вы разумный человек, мистер Рэкс, и для вас, как и для большинства думающих людей, искусственность происхождения миров Нулевого Синтеза должна быть очевидна! Но если все Вселенные Корпорации – рукотворны, сотворены нашей техникой и наукой, то где-то должна быть хотя бы одна *естественная вселенная*, в которой эта техника и наука возникли и развивались. Вы понимаете меня? Элементарный логический анализ приводит нас к выводу, что истоки нашей машинной цивилизации, истоки происхождения всех искусственных вселенных лежат там – в естественной вселенной и именно оттуда пришел к нам Творец.

Он перевел дух и продолжал:

– Идею о машинной сущности Творца также необходимо отвергнуть. Ибо Аннубис, в том виде, в котором он нам знаком, обладал несомненной волей и ярко выраженными признаками личности. У него были субъективные суждения, он испытывал гнев, был явно мстителен и обладал вспыльчивым характером. Кстати, Творец был слабо эрудирован во многих областях, что для машинного интеллекта просто невозможно. Машины и программы не могут быть настолько человечны! Поэтому, я думаю, вариант «машинного», бездушного и обезличенного характера нашего Божества следует исключить. Это значит, что наш Господь – являет собой не «Деус экс машин», а некоего разумного субъекта или группу субъектов биологического происхождения, обладавших властью над машинерией Нулевого Синтеза и управлявших искусственными Вселенными, как капитан корабля управляет полетом своего судна через бортовой компьютер. Такое управление возможно персонифицировать посредством упомянутых уже *Пиента* и *Атефа*, каковые, конечно, не просто коды доступа, а некая сложная программная оболочка для манипулирования внутри базовых структур Корпорации. А если это так, то Пиент и Атеф, первичные коды для управления Нулем, которыми пользовался этот субъект, с его исчезновением должны остаться бесхозными! Вы слышите меня, мистер Рэкс?! Вы согласны?!!

Гор промолчал – смысл сказанного стал немного доходить до него: вот это заказ! Однако что-то в монологе Октавиана его смущало.

– Да. Конечно, да... То есть я, сударь, с вами согласен, безусловно. Существование машинных кодов для управления мирозданием – это интереснейшая, удивительная идея. Однако, – Гордиан потер лоб, – говоря о доказательствах существования Творца, вы упоминали о нем в прошедшем времени. И что значит «с его исчезновением»? Наш создатель... исчез?

– Именно! – воскликнул Верховный Стратиг с неожиданным жаром в голосе. – Именно так, мистер Рэкс! С некоторых пор таких доказательств не существует, точнее – они перестали проявлять себя. Но главное – речь не идет о поломке, сбое или стирании программного обеспечения в машинных системах Нуль-Корпорации. Сейчас, как и всегда, все механизмы Нуля функционируют исправно. Только нет *воли*, которая управляла ими ранее. Бог Смерти мертв!

– Что? – Гор помотал головой.

– Аннубис мертв! Вероятно, сам механизм, посредством которого он оказывал влияние на деятельность Корпорации Нулевого Синтеза, остался, однако индивидуальный или коллективный разум, воля, управлявшая нами в течение сотен тысячелетий, исчезла! Вот уже как минимум тридцать лет Он игнорирует важнейшие решения, не отвечает на запросы должностных лиц Корпорации, не комментирует законодательные акты, не присутствует на заседаниях Ареопага и Стратигикона. Три десятка лет мы предоставлены сами себе. Первые два десятилетия мы были сбиты с толку и полагали, что Учредитель просто не проявляет себя, отвлеченный какими-то собственными делами. Однако я потребовал от Исторического департамента сделать подробный анализ, и вот результат: подобного не случалось никогда за многотысячелетнюю историю! Это ли не подтверждение того, что Творец либо исчез навсегда, либо потерял интерес к нашему миру?

– Признаться, я снова в шоке, ваше превосходительство. Только что вы поведали мне о существовании Божества, а теперь убеждаете в его смерти. Если Учредителя нет уже тридцать лет, то как работает Корпорация? Насколько я понимаю, цепь управления завязана на Него. Важнейшие решения, принимает Он. А если так, то... почему мы еще не находимся в пучине хаоса или полной стагнации? Со смертью Творца конец Творенью. Разве не так говорят те же мифы Нуля, с которых вы начали свой рассказ?

– Мысль о существовании Творца – не миф. Это вывод, основанный на фактах. Вы опять не поняли меня, Рэкс. Смысл всего сказанного не в том, что существует некий божественный Творец Сущего, а в том, что этот Творец Сущего – всего лишь часть системы управления и контроля над Вселенными Корпорации, которая носит неодушевленный характер. Учредитель исчез, однако осталась громадная материальная структура Корпорации Нулевого Синтеза, остались миллиарды созданных ей Вселенных, объединенных Индустриальными центрами Нуля, осталось единое политическое и экономическое пространство в форме Торгового Союза вассальных нам государств-кластеров. Остались мы – Верховный Стратиг и Правительство Нуля. Остались, наконец, вы – демиурги, владельцы собственных кластеров!

Гор в который раз кивнул, чтобы хоть как-то отреагировать на слова собеседника.

– По счастью, нам пока удалось сохранить в тайне исчезновение власти Учредителя в мирах Корпорации, – продолжал Октавиан. – В курсе только Стратигикон, Ареопаг и, теперь уже, некоторые избранные демиурги вроде вас. Гражданское население не осведомлено. Экклесия – также. Собственно, Экклесия слишком многочисленна, чтобы ставить ее в известность! Передать информацию всем этим перебесившимся с жиру вырождакам-акционерам, входящим в Экклесию (извините, Рэкс, я не имею в виду лично вас), – значит предать эту информацию огласке среди всего населения Нуль-Синтеза, поскольку экклесиархов слишком много – миллиарды и миллиарды. Вы должны понимать, что сохранить тайну при таком количестве осведомленных просто невозможно. Впрочем, мы обязаны собирать Экклесию на общие заседания не чаще одного раза в столетие, так что время разработки планов выхода из кризиса у нас еще есть! Корпорация существует и будет существовать. Без официальных заявлений по поводу внезапного ухода Учредителя, без соответствующих изменений в Уставе, без всего, что могло бы вызвать панику. Пока новостные каналы глобальной Сети молчат, экономическая система работает без сбоев.

– Мне кажется, я понял, – усмехнулся Гор, вспоминая Устав Корпорации, – Учредитель утверждает законы и назначения на должность, подготовленные Верховным Стратигом Нуля, однако, если закон или назначение не отвергнуты им в течение десяти дней, они вступают в силу автоматически, без формального заверения Учредителем. То есть сейчас вы – практически неограниченный Правитель всех вселенных Корпорации Нулевого Синтеза?

– Ну, сударь, вы несколько драматизируете ситуацию, пожалуй. Есть Ареопаг, которому я подотчетен, и Экклесия, которой подотчетен Ареопаг. Однако в целом верно. В сущности,

сейчас я – полноправный диктатор Нуля с практически неограниченными полномочиями. Временно, хотя и надолго. Еще вопросы?

Гордиан неопределенно пожал плечами:

– То, что было сказано в начале, насколько я могу судить, представляло собой не более чем свободный метафизический треп, простите за грубость, ваше превосходительство. Однако сказанное сейчас относительно исчезновения Учредителя, по вашему собственному утверждению, представляется информацией если не секретной, то, по крайней мере, не предназначенной для широкого круга лиц. Поэтому мои вопросы очевидны. Первое – зачем вы все это *говорите*, и второе – зачем вы говорите все это *именно мне*?

Октавиан сел и откинулся на спинку роскошного резного стула.

– Ответ не менее очевиден, Рэкс. В пределах вселенных Нуль-Синтеза, а это поверьте, серьезное заявление, вы оказались обладателем уникального дара. Дара, настолько же уникального, насколько востребованного в создавшейся ситуации. Вы – *взламыватель кодов*! А мне нужен доступ к файлам Учредителя. Раньше, когда Учредитель незримо присутствовал в каждом кластере Сети, в каждом ИЦе и в каждой голове любого работника Корпорации, даже подумать о подобном было немислимо. Однако сейчас, когда его нет, это возможно, и я предлагаю вам работу, Рэкс. Точнее – работу и союз. Я и ряд моих, хм... скажем так, единомышленников тщательно изучают все возможности, которые позволили бы нам приступить к поиску Творца Мироздания или созданных им кодировок. Мы собрали серьезную группу специалистов и вы – станете в нем жемчужиной. Воздаяние будет более чем достойным, поверьте. Вы уже сталкивались с моей благодарностью после Седана (Гор поморщился) и знаете мою щедрость. Однако даже прошлый раз – ничто по сравнению с вознаграждением, которое ждет вас в будущем в случае успеха нашего предприятия.

Октавиан чуть наклонился вперед, взглядываясь в лицо Гора:

– Только представьте, какие перспективы ожидают того, кто реально станет обладателем кодов доступа к управлению механизмами Аннубиса. Пшент и Атеф! Его возможности безграничны! Это – Божественность в полном смысле слова. Бессмертие, Всезнание, Всемогущество! Я предлагаю вам стать одним из тех, кто разделит со мной будущее нашего Континиума, всех триллионов Вселенных, и тех, которые созданы сейчас, и тех, которые будут создаваться по нашему – нашему с вами, Рэкс – усмотрению в будущие эпохи. И не вздумайте отказаться! Сроки поджимают, а я, как вы точно заметили, лишь временный диктатор, и мое время будет истекать неумолимо с каждым потраченным на поиски годом. Через семьдесят лет Экклесию все же придется созвать. К тому же мне всеми возможностями препятствует Ареопаг, который может объявить об исчезновении Аннубиса раньше этого срока. Ну что скажете, мистер Рэкс? Говорите же, не молчите!

– Иными словами вы предлагаете мне заняться тем, чем на протяжении тысячелетий, а может и более, занимаются эзотерики и мистики – отыскать Бога, причем в сжатые сроки и за сходную плату? Причем в Сети? Забавно... Кстати, а я могу отказаться? Или ваш намек на принудительный характер нашего «добровольного сотрудничества» – это угроза?

Октавиан бросил на Гора пронзительный взгляд, как на умалишенного.

– Не скрою, – ответил он, – в высшем эшелоне власти Нулевого Синтеза, как в Ареопаге, так и в среде экклесиархов, существует несколько группировок, желающих извлечь из создавшегося положения максимальную выгоду, что противоречит моим планам. И мой ответ на ваш последний вопрос однозначен: нет, вы не можете отказаться! Ваш талант слишком уникален, чтобы вы, мистер Рэкс, могли остаться в стороне от этой игры. Отступлюсь от вас я – не отступятся другие. Подобного я допустить и даже просто стерпеть – не смогу. Вы до сих пор не поняли, хотя я и потратил на вас битых полчаса, Гордиан (уж простите, что стал называть вас по имени), вы до сих пор не поняли, что речь идет о слишком больших ставках. Возможный выигрыш в деле слишком велик, чтобы я или кто бы то ни было другой смог отказаться от

вас. От козыря в этой бешеной гонке! К сожалению, я не могу заставить вас подчиниться мне и использовать ваши пси-способности силой. Поэтому вы должны понимать: если я не смогу использовать ваш талант *Тшеди*, то я не допущу, чтобы его использовали другие. Это значит – смерть. Ваша смерть, сударь! Я – Верховный Стратиг Корпорации и имею доступ к технологиям смертной казни даже в нашем мире бесконечных реинкарнаций. Если ваш выбор – не я, то мой выбор – это ваша голова.

– Вы откровенны, – заметил Гор.

Октавиан пожал плечами:

– Мне нечего скрывать от вас, мистер Рэкс. И я не угрожаю – я просто констатирую факты. Мы зря стали обсуждать этот последний вопрос. Не стоит испытывать терпение друг друга, не стоит друг друга раздражать и не стоит противиться неизбежному. Считайте это возвратом на службу. Собирайтесь!

«Самовлюбленный кретин», – подумал Гордиан.

В принципе, перспектива поиска такого масштаба захватывала – более крупного заказа нельзя было и желать. К тому же эзотерическая составляющая работы завораживала его еще больше возможностью прикоснуться к немыслимым тайнам сотворения Корпорации. Разве это не то, о чем он мечтал многие годы, размышляя над старинными манускриптами, найденными на мертвых планетах старых Вселенных, или сутками блуждая по Сети в поисках исторических хроник?

Это – волшебный сон. Мечта, воплощенная в реальность. Уникальный шанс, который, быть может, выпадает раз в жизни, а может – даже раз в несколько жизней, учитывая возможности Хеб-седа.

Однако перспектива работать под нарциссирующим эгоистом с замашками тирана не вдохновляла. Искать Божественность – для него? Увольте!

Гор встал, подошел к огромному витражу, украшавшему окна Дубового кабинета.

Красота-то какая! – подумал он. Над покрытыми неувядающей зеленью парками и садами Ронского дворца неспешно и гордо проплывал величественный узор облаков, гонимых ветром мимо золоченых шпилей и грозных каменных башен... То были *его* облака, в небе *его* планеты.

– Нет, – сказал он, резко развернувшись на каблуках. – Со всем уважением, мистер Октавиан, но мой ответ – нет. Заказ меня привлекает, однако тон, который вы выбрали для сегодняшнего общения, не приемлем. К тому же я не люблю угрозы. Вы забываете, что я – демиург Корпорации, и использовать против меня процедуру казни без достаточных причин – преступление, само по себе наказуемое смертью. А таких причин, как я полагаю, у вас не имеется.

Лицо Верховного Стратига на мгновение стало хищным, как морда оскалившейся пантеры, но затем равнодушная маска снова накрыла его. Ледяным тоном, от которого, казалось, похолодело в воздухе, он произнес:

– Мне кажется, вы не в себе, мистер Рэкс, и не вполне осознаете смысл сказанного вами, а также возможные последствия отказа. Я – Тадеуш Октавиан Трэвис, Верховный Стратиг Корпорации Нулевого Синтеза. И я *разочарован!* Желаю удачи!

Он поправил свой френч и, не глядя более на Гора, вышел так же стремительно, как и вошел в этот зал.

Глава 6

Вечный юноша Питер Аякс

Верховный Архонт Нуля хапи Пит Тициан Аякс прибыл позже назначенного срока. Он опоздал почти на четыре часа, что для официального визита посчиталось бы неприемлемым и выглядело бы почти оскорблением хозяина. Однако визит был неофициальный, да и к тому же Гор остался раздосадован результатом разговора с первым визитером и не слишком ждал приватной беседы со следующим.

Сейчас Архонт сидел в Дубовом кабинете на кресле, в котором еще недавно, развалившись, восседал Тэди Октавиан, и причмокивая от удовольствия, прихлебывал из запотевшего потира легкий наркотический морс.

Питер Аякс был высок, потрясающе красив, белокож и молод. Искусственность скорректированного тела выдавало не только необычайно привлекательное, а для мужчины, пожалуй, даже слишком красивое лицо, но и стройная фигура, мускулистый атлетический торс гимнаста, а также шикарная грива золотых волос, пышным водопадом ниспадающая на не слишком широкие, но могучие, как будто слепленные античным скульптором, плечи.

Гордиан рассматривал Архонта с интересом, и с не меньшим интересом, надо полагать, его рассматривал сам Архонт. Тело Аякса было слишком юным – не старше двадцати стандартных биологических лет, однако сомневаться в солидном возрасте его обладателя не приходилось. Манера держаться, вести разговор, жестикуляция, мимика, легкий покровительственный тон пространных, порой витиеватых реплик, а также невыразимая аура самодостаточности явно не соответствовали мнимой юности собеседника.

За лицом топ-модели и телом стриптизера скрывался тяжкий груз тысячелетий, время от времени проглядывавший в светлых глазах мягкого, почти детского лица.

Они беседовали уже битый час, обсуждая последние новости со спортивных сайтов, клубные сплетни демиургов и достоинства космических яхт, однако к цели визита Аякс так и не подошел. Тем не менее час не прошел задаром – Архонт оказался более чем интересным собеседником. Порой Гордиану казалось, что гость совершенно пленил его своим мягким вкрадчивым голосом, потрясающей эрудицией и тактом, проявляющимся в общении. Однако он не забывал содержание предыдущей беседы с Верховным Стратигом Нуль-Корпорации и догадывался, чего можно ожидать от ее Архонта.

Наконец Аякс отставил потир и, довольно крякнув, повернулся к Гордиану.

– Ну что же, мой друг, – начал он, – признаюсь, беседа с вами стала бальзамом для моей израненной непониманием души и усладой для слуха, измученного дебатами в Совете. Однако все же нас поджимает неумолимое даже для бессмертных время, а значит, я полагаю, нам стоит уделить внимание и делу, ради которого я столь нескромно напросился к вам с визитом.

«Ага, началось, – подумал про себя Гор, – однако как витиевато высказывается этот мнимый юноша!»

Вслух же Гор не сказал ничего, а только кивнул и внимательно уставился на Аякса, изображая на лице крайнюю заинтересованность.

Архонт картинно вздохнул и продолжал:

– Я ведь у вас не первый гость сегодня, сударь, не так ли?

Гор снова кивнул.

– Полагаю, меня опередил некто Тэди Октавиан, Стратиг Корпорации?

– Часа на два примерно.

– О-хо-хо! И как вам беседа?

– С Октавианом? Ну, сударь, она была недолгой. Мне было сделано предложение, и я... – Гор замялся, решив не спешить с изложением подробностей прошлой встречи. – И я обещал подумать.

Аякс прищурился. В глазах сверкнула незримая *мана зла*. Не столь ярко выраженная и открытая, как у предыдущего визитера, но оттого только более страшная.

О, мысли в голове полуюноши-полустарца свистели как пули!

– Смею предположить, – произнес он наконец очень медленно и мягко, как будто катая языком воск, – что вам была изложена урезанная версия «Бытия» от Нуль-Синтеза, краткая история Учредителя Корпорации и некоторые объяснения относительно термина «Аннубис».

Гор накиннул ногу на ногу и сцепил руки в замок на колене. Несмотря на внешнее дружелюбие, ничего хорошего от этого гостя ждать, похоже, также не приходилось.

– А вы против, сударь?

– О, сударь, нисколько! Скажу лишь, что существует несколько версий одной и той же истории. Точнее – Истории, с большой буквы! Истории нашей реальности, реальности бесчисленных искусственных вселенных Корпорации Нулевого Синтеза. Октавиан же наверняка изложил вам несколько скорректированную версию.

– Изложите свою?

– Ну, если вы посвятите меня в подробности предыдущего рассказа.

– Не думаю, сударь, что это будет правильно, – снова лукавил Гор. – Меня попросили держать в тайне подробности предыдущей беседы, а я не собираюсь ссориться с Верховным Стратигом. Однако же я с радостью выслушаю вас и, так же как в первом случае, гарантирую вам полную конфиденциальность.

Архонт сдержано рассмеялся.

– Ну конечно, – сказал он, – ну конечно. Тогда позвольте хотя бы мне делать предположения, относительно рассказанного вам предыдущим визитером и комментировать таковые. Идет?

Гор вяло развел руками, как бы соглашаясь.

И так же как Верховный Стратиг всего два часа назад, Питер Аякс поднялся и прошелся по комнате.

– Полагаю, его превосходительство господин Октавиан сообщил вам, что около тридцати лет назад власть Учредителя покинула Корпорацию... – С этими словами Аякс испытующе вперился в Гора огромными глазами, сверкая настоящими бирюзовыми «озерами» из-под длиннющих ресниц.

– Продолжайте, сударь, – без комментариев посоветовал Гор.

Видя, что выуживать подтверждения бесполезно, Архонт продолжил:

– В связи с указанным фактом возникли определенные проблемы. Не столь существенные, как, вероятно, их описал вам Октавиан, но все же неприятные. Представьте – важнейшие решения игнорируются, нет новых архитектурных систем для производимых Корпорацией искусственных вселенных. Не подтверждаются назначения важнейших должностных лиц и, прежде всего, для высших – Стратигикона и Аропага. Конечно, чиновники среднего звена – Стратиги, Геронты, Эпархи и Хилярхи Нуля – по-прежнему выполняют свою работу под контролем несменяемого Верховного Стратига. А диадохи кластеров вообще назначаются в автоматическом режиме из-за их множественности. В целом, по крайней мере для обывателей, жизнь продолжается без каких-либо изменений. И все же качественно ситуация опасна. Ибо фактически, благодаря установленной когда-то «десятидневной процедуре» утверждения законов и назначений, после исчезновения Учредителя вся власть в континиуме Нуля переходит к главе правительства, Тэдди Октавиану.

Тут Архонт буквально всплеснул руками.

– О Иешуа! – воскликнул он с жаром. – Если бы на его месте был другой человек, то возможно, проблема была бы проще. Но Октавиан, к сожалению, слишком честолюбив. И он рыщет власти. Власть эта отныне ограничивается одним препятствием – Ареопагом, который ваш покорный слуга (Аякс истово поклонился) имеет честь возглавлять! Но я не точно выразился. Власть Октавиана ограничивалась нами ранее и совершенно ничем не сдерживается сейчас, ибо Ареопага более *не существует*. Из двадцати восьми Архонтов, составлявших его не более года назад, в живых осталось пятеро, включая того, кого вы, собственно видите перед собой. В таком составе наши решения не правомочны, а назначить новых членов высшего совета Нуля мог только Учредитель... Вы понимаете теперь?!

Не более двух часов назад в ваших стенах был тиран, диктатор, защищающий свою власть путем насилия и убийств. И я скажу вам только одно, мастер Гор. Да, как вы, возможно, предполагаете, цель визитов – и моего и Октавиана – абсолютно идентична. Нам нужен ваш дар, сударь. Дар уникального пси-оператора для поисков некой утраченной Корпорацией информации. Однако же сама цель поисков у нас различается кардинально! Более того, у меня есть сильные подозрения, что исчезновение Учредителя, возможно, произошло не само по себе. Но к нему приложена чья-то крепкая волевая рука. Рука в перчатке и в отглаженном рукаве синего военного френча. Вы так не находите? Нет?

Аякс с шумом выдохнул.

– Октавиан жаждет власти, – заявил он, – а я, сударь, нет. Мы, пятеро оставшихся в живых членов Ареопага, мы ищем возможности к восстановлению системы. Корпорация, просуществовавшая несколько миллионов лет, не должна рухнуть менее чем за несколько десятилетий. И вы – единственный человек, кто может ей в этом помочь! Что скажете, сударь? Что вы мне скажете?

В некотором обалдении от яростной проповеди Гор медленно покачал головой:

– Ну... Мне нужно подумать, сударь, вы понимаете?

– Как и в случае с предложением Октавиана?

Гордиан рассмеялся.

– Если бы я знал, сударь, что имею дело с узурпатором и практически не ограниченным тираном континиума Нулевого Синтеза, возможно, я просто сказал бы ему «да»!

– Да бросьте! – Аякс явно старался польстить собеседнику. – Такой человек, как вы, не стал бы договариваться с совестью исключительно из соображений собственной безопасности.

– О, спасибо! – воскликнул иронически Гор. – Вот это комплимент.

– Да к дьяволу «спасибо», сударь, – воскликнул разгоряченный собственной речью Архонт. – Вы со мной?

Но Гор не торопился.

– А знаете, Аякс, – сказал он, – при всех ваших хвалебных отзывах о моем даре я даже не представляю, как искать потерянную вами вещь. Неважно коды там или следы самого Учредителя. Я профессионально борозжу просторы глобальной Сети уже два столетия, однако ни разу, сударь, ни разу не видел даже призрачных намеков. Это тем более удручает, что названный как вами, так и Верховным Стратигом предмет для поиска, а именно мифический Творец Вселенной и источник его могущества всегда интересовали меня и без всяких там контрактов. Вам не кажется что вы, возможно, несколько преувеличиваете мои способности?

Архонт сложил ладони и задумчиво постукал подушечками пальцев друг о друга.

– Кодов в Сети нет, – многозначительно выдал он. На фоне прошлого многословия эта короткая фраза звучала как предсмертный хрип.

– Не понял?..

– Система Сети управляется кодами извне. И это значит, что кодов в Сети нет! Над сетью, над всей машинерией Корпорации существует внешняя программная оболочка, не доступная изнутри. Поэтому сами вы и сотни других невообразимо талантливых хакеров можете потра-

тить на их поиски не сотни, а тысячи лет и не найти ничего. Ибо бессмысленно искать стул в пустой комнате. Сила Творца – вне Творения! Бог Смерти, Аннубис, как творец всего сущего присутствует в континууме Нуля только в очень усеченном и ограниченном виде. Первая программа-код содержит данные о паролях, закрывающих доступ к управлению машинерией Корпорации. В мифологии Нуля, в тайных текстах, которые можно обнаружить в электронных архивах, она называется «Пшент», или «Нижняя корона». Это та сила, которая контролирует Корпорацию, управляет ей и дает над ней власть. Сама же программная оболочка, что лежит за пределами НС, содержит код, имеющий имя «Атеф», или «Верхняя корона» – это вторая программа-код, о которой, возможно, упоминал при вас Октавиан. «Атеф», сударь, в отличие от «Пшента», есть та сила, которая не имеет к управлению машинерией Корпорации никакого отношения. Она контролирует фантастическую технику за ее пределами. Технику, создавшую наш мир и способную по желанию обладателя Атефа, когда-нибудь разрушить его. Каждый атом каждой молекулы, каждый квант энергии каждого луча света, созданы этой силой!

– И вы знаете, где их найти? Я имею в виду ваши кодированные программы?

– Нет, конечно. Но я знаю путь. И Верховный Архонт и Верховный Стратиг имеют доступ к внешней программной оболочке. Нити оттуда наверняка проведут вас или к Пшенту, или к Атефу. Добавлю и еще кое-что. И Пшент и Атеф – суть предметы, неразрывно связанные с Учредителем. В легендах сказано, что пока он жив, – бред, ведь речь идет о Боге! – две вещи всегда при нем. Они настроены на его божественное *Ka*, и завладеть ими, не уничтожив само его естество, не стерев его личность невозможно. Следовательно, если Бог бессмертен, то и Пшент, и Атеф находятся «при нем». Отыскав программы-коды, мы сможем найти путь и к самому Создателю Мироздания!

Гор задумался.

– Весьма странные названия – «Нижняя» и «Верхняя» короны, – произнес он затем. – Имена имеют какое-то отношение к внешнему виду или структуре этих вещей? Или это просто абстракции?

Аякс вздохнул:

– Вот об этом вы и расскажете мне чуть попозже.

Гор улыбнулся. К Октавиану возврата нет, это ясно, и хотя он сильно сомневался к альтруистской бескорыстности вечно юного Архонта, выбор свой, похоже, он уже сделал.

– Я не сказал вам «да», сударь!

– Главное, вы не сказали мне «нет».

И оба рассмеялись.

Глава 7

О дивный новый мир!

Пораженный жестокостью экзекуции, подавленный и морально, и физически, Гордиан Рэкс уже почти не фиксировал внимание на происходящем вокруг, однако титанические размеры ворот привлекли даже его рассеянный интерес, несмотря на остаточные болевые симптомы.

Ворота были огромными, с квадратной аркой, больше чем десятиэтажный дом. Они имели две створки, каждая из которых открывалась как двери в лифте – не распахиваясь внутрь или наружу, а уходя в стену и в бок по внушительным широким рельсам, погруженным в металлический пол на пороге. Толщина ворот составляла как минимум метров пять-шесть. Сами ворота отпирались огромным запором, винтообразно поднимавшимся вертикально из-под земли и похожим на стальную колонну толщиной в три человеческих обхвата.

Против чего была рассчитана такая мощь? – подумал Гордиан. Современное лучевое оружие (даже ручной вариант) расплавит эту створку менее чем за минуту, а против воришек хватило бы и значительно менее титанической конструкции с обычным запирающим устройством. Может быть, против пороховых пушек? Ведь такая дверь должна держать хороший механический удар.

По бокам ворот застыли турели обычных барабанных лазерных излучателей, аналогов доисторического пулемета. Подобная турель была рассчитана исключительно на поражение пехоты, а не крупных быстрых или бронированных целей. Однако кроме турелей Гор не заметил на стенах иного вооружения. Ни систем ПВО, ни противотанковых орудий. Между тем, как казалось, такая крепость должна опасаться именно бомбардировок с воздуха или же атак тяжелой бронетехники. Какой идиот пошлет на штурм столь укрепленной цитадели пехоту без поддержки? Загадки, загадки.

Дальше было еще интересней. Стенки проема врат казались изготовленными из *инида* – так называемого «системного металла», внешне похожего на золото и используемого только строителями или оружейниками Нуль-Корпорации. Да, по всей видимости, Гордиан действительно столкнулся с переходящим все возможные рамки явлением. Эта «пиратская» организация использовала не только оборудование для клонирования, но и другие величайшие секреты Корпорации Нулевого Синтеза. Он столкнулся с невероятным – с организацией, использующей технологии Нуля, но не входящей в Нуль и Нулю неизвестной.

Повсюду во всех рукотворных вселенных Индустриальные центры Корпорации строились по одному образцу, стандарт был неизменным как тысячелетия назад, так и сейчас. Тот, кто не входит в «Нуль-Синтез», но использует его закрытые технологии – прямой конкурент этой всемирной структуры. Само существование подобной организации – это вызов Корпорации, вызов стабильности миров. Похоже, он обязан выбраться из этой передрыги не только ради спасения собственной жизни, но для сохранения и передачи этой информации руководству Нуля. Если конечно, само это руководство не причастно к увиденному им.

Кусочек сознания, тот самый, в котором возможно прятался пресловутый «фактор пси», весьма не двусмысленно подсказывал ему, что просто ошибкой все происходящее уже быть не может. Это не Корпорация. Гордиан Рэкс находится за ее пределами. Или, по крайней мере, в месте, не подконтрольном обычным административным структурам Нулевого Синтеза. Прослужив более ста лет диадохом, уж Гор то об этом знал!

А значит – его предали. Автоматика Хеб-седа необычайно устойчива и «сбоев не дает». Остается одно – постороннее вмешательство в программу, которое могли осуществить только лица, обладающие доступом к кодам безопасности его личного закрытого кластера Каталаун.

Аякс упоминал, что возможность прямого вторжения в Тринадцатимирье со стороны вооруженных сил Октавиана равна нулю. Под «прямым вторжением» подразумевался космический десант или бомбардировка. Однако возмездие Верховного Стратига за отказ в сотрудничестве могло оказаться более сложным и хитроумным. Действительно, оставить Гора в неизвестном теле, в неизвестном мире, без денег и дара *Тшеди* – расправа, куда более изощренная, чем просто убийство.

Впрочем, одернул себя демиург, виновность Октавиана в происшедшем не доказана. У Стратига, безусловно, имелся мотив, но мотив – еще не свидетельство причастности.

Кто еще мог проникнуть в закрытую вселенную Гордиана Рэкса, защищенную трехуровневым паролем, создать который может лишь сам взламыватель кодов?

Во-первых, такой же экстрасенс-*Тшеди*, как Гор, обладающий схожим даром декодировщика. Однако Гордиан знал, что подобные ему пси-операторы существовали только в прошлом Нуль-Корпорации, удаленном от настоящего мгновения по крайней мере на целое тысячелетие. Сейчас он, пожалуй, – единственный сильный *Тшеди* с подобным талантом.

Во-вторых, как признавался сам Аякс, взломать систему частного кластера может должностное лицо Корпорации, имеющее доступ к файлам Архива Экклесии, в котором хранятся копии кодов от всех частных доменов демиургов. Октавиан – Верховный Стратиг Нуля, руководитель исполнительной власти и к файлам Экклесии не имеет доступа. Но тогда...

Холодный озноб прошел позвоночник и свел спину Гордиана ледяной судорогой. Лишь Архонты Ареопага имели полный доступ к подобной информации, поскольку только они могли вершить суд над демиургами. Такую информацию Архонты использовали в основном для текущего контроля. Применять же коды частных доменов для наказания одного из демиургов было возможно лишь по единогласному решению Ареопага, утвержденному Учредителем.

Однако это – всего лишь закон. Нарушение закона карается Учредителем, а если Учредителя нет – то некому и карать.

Аякс. Чертов Аякс!!! Какая змеиная подлость!

Стоп, снова остановил себя Гор. Наличие возможности, так же как и наличие мотива, не является доказательством.

Реинкарнированный демиург покачал головой – ситуация оказалась крайне запутана.

Отвлечшись наконец от размышлений, он снова внимательно осмотрелся.

К этому времени всю процессию уже вывели наружу и погнали по выложенной брусчаткой дороге. Планета, конечно, не имела метановой атмосферы – над головой простирались голубые небеса, вокруг цвела пышным цветом зеленая растительность.

Гордиан украдкой оглянулся, посмотрев на загадочный храм (так, кажется, назвал это сооружение «мастер старшина Гаврин?»), который они только что покинули.

Снаружи храм представлял собой мощное сооружение, коренастое и приземистое, как бы в форме куба, но на две трети погруженное в землю. Верхняя часть куба, видимо, была ограничена по периметру подобием стены и имела зубцы, меж которых сновали туда и обратно фигурки стрелков, вооруженных длинноствольным лучевым оружием, носимым им на плечах наподобие копий.

– Ровнее! – Гор получил тычок в спину. И вынужден был повернуться по ходу движения колонны.

Примерно на полкилометра от храма тянулось пустое пространство с выкошенной травой, опоясывающее титаническое здание. Очевидно – для лучшего обзора и обстрела на случай нападения.

За выкошенным участком брусчатка на дороге обрывалась, переходя в хорошо утоптанную грунтовку. И далее начинался обычный сельскохозяйственный пейзаж, похожий на Залену. Только небо здесь оставалось голубое, а облака – белесыми.

Гордиан снова подивился. В мирах Корпорации, в мирах искусственных звезд и планет, широко пользовались атмосферными красителями, поэтому как в частных кластерах демиургов, так и общедоступных мирах Нулевого Синтеза, населенных обычными гражданами Торгового Союза, небеса имели тысячи оттенков. В сумрачных глубинах хорошо эрудированной памяти Гордиана содержались данные о том, что кислородно-углеродная атмосфера пригодной для дыхания концентрации должна быть именно голубого цвета. Однако за свою долгую жизнь он видел такое небо с белыми облаками от силы пару раз.

Во многих мирах, где атмосфера была голубой, по ним плыли цветные облака, и наоборот, часто белый воздушный пар сочетался с разноцветным небесным сводом. В других мирах, где красители не использовались вовсе, планеты освещались звездами, излучавшими вместо желтого, ярко-красный или зеленоватый свет. А в некоторых доменах мир вообще мог освещаться несколькими звездами с различным оттенком свечения. Человеку в нормальном рассудке, никогда ничего подобного не видевшему, невозможно было представить, какими фантазмагориями чреваты такие игры нуль-демиургов.

Но Гор – видел. Поэтому небо естественного цвета поразило его своей невыразимой и какой-то божественной простотой. Цветные небеса искусственных миров были всегда неотразимы, однако слишком сложны для восприятия, и вычурны, и чрезмерно богаты оттенками. Бездонный же голубой небосвод со всполохами молочных облаков был просто прекрасен неким естественным, чудесным великолепием своей натуральности. Как прелесть девственности пленяет часто мужчину больше, чем лоск изысканнейшей из шлюх, так и голубизна небес неизвестного нового мира покорила Гордиана с первого взгляда, заставив на несколько мгновений отвлечься от тягот своего нового, весьма печального статуса.

Вокруг, на многие мили, простирались луга, колосились поля с неизвестными, но явно зерновыми культурами, чем-то средним между кукурузой и пшеницей. Угодья проряжались хорошо проторенной межей, прямыми, ухоженными тропинками и небольшой речкой, которая петляла меж «хлебно-кукурузных» полей, уходя к холмам за пределы видимости.

Землевладение здесь явно было латифундиальным, а не фермерским – для индивидуальных хозяйств даже в мирах с развитой техникой подобные пространства, засеянные одной культурой, слишком велики. Гор к тому же стал откровенно сомневаться в том, что земля возделывается здесь тракторами, а не невольниками с мотыгами. Еще одной особенностью сельского пейзажа, бросившего тень на возможность крестьянского землевладения, являлась окружающая архитектура. Храм находился на небольшой возвышенности, видимость была отличной, и пейзаж простирался до самого далекого горизонта, однако никакого подобия деревень или хуторов не наблюдалось.

Между полями Гордиан смог различить только крупные комплексы низких, но вместительных строений, расположенных компактно рядом друг с другом и огороженных единой оградой. То были виллы или усадьбы, возможно – сельскохозяйственные колонии, возможно – поселения или трудовые лагеря. В любом случае это не частное фермерское жилье свободного сельского жителя. Оно и понятно: не случайно ведь все в колонне – рабы. «Сервы», как изволил выразиться «господин мастер старшина». А фермерское хозяйство и рабский труд – вещи, практически не совместимые.

Но минутку! Современные технологии синтеза материи, применяемые в Корпорации, также не совместимы с сельским хозяйством. К чему выращивать хлеб и овощи, выпалывая сорняки и дожидаясь урожая, если можно синтезировать необходимые продукты прямо в месте потребления – у себя дома, в ресторане, в колонке автоматических продаж на улице или на борту космического корабля? Все это, по мнению Гора, выглядело более чем странно, однако каким-то образом согласовывалось с допотопным оружием, которое использовали конвоиры.

Медленно переставляя ноги (а сервы-клоны устали, сказывалось не только физическое напряжение, но и экзекуция, и психическая подавленность, наступившая после осознания

большинством своей новой роли в неизвестном мире), Гордиан смог рассмотреть экипировку солдат сопровождения.

В руках охраны, дефилирующей по стенам только что оставленной ими громадины храма, имелось явно современное оружие – пусть стилизованные, но все же вполне годные для современного пехотного боя лучевики классом не ниже известных Гору превосходных охотничьих образцов.

Однако в руках «рабского» эскорта находилось вооружение принципиально иного рода и сорта – пороховые ружья. Причем явно допотопного образца: не автоматические, не самозарядные, а требующие утомительной ручной перезарядки после каждого выстрела. Все это Гор легко определил не только по внешнему виду оружия, но и по внешней пороховой полке и по примитивной кремневой «собачке», торчащей над затвором. Судя по широким раструбам стволов, оружие даже не было нарезным. В его мире такое устройство, бьющее не дальше двухсот метров, любой служивый назвал бы «пукалкой» и заявил, что оно совершенно не пригодно для боя. Но конвоиры, похоже, так не думали и выступали вдоль шеренги рабов, сжимая в руках свои то ли мушкеты, то ли фузеи с грозным и устрашающим видом, что для Гордиана, руководившего когда-то космическими эскадрами и выжигавшего многомиллиардные планеты дождем баллистических ракет и ядерным пламенем, выглядело даже несколько комично.

Одежда на бойцах «охранения» также была неординарной. Гор был поражен, но неудобные длинные светло-коричневые мундиры выглядели сшитыми из тонкой шерсти, а штаны и рубашки – из льна. То были натуральные ткани! Столь «естественный» материал, подумал Гор, слишком непрактичен даже для носки гражданскими лицами, что же говорить о людях военных? Для них такие вещи вообще не подходят – слишком маркие и недолговечные!

Во вселенных «Нуль-Синтеза» даже для парадных мундиров военнослужащих, использовались исключительно искусственные материалы. Впитывающие антропогенные выделения, не мнущиеся, не рвущиеся и грязеотталкивающие. В бою же солдаты вообще не имели пошитой формы, а облачались в бронированные скафандры, с полной системой жизнеобеспечения, гарантирующие не только неуязвимость бойца для ручного оружия противника, но и полную автономность его существования в космосе, под водой, или под землей в течение многих суток.

Броня боевых скафандров солдат Корпорации даже покрывалась ишедом, который делал бойца практически неуязвимым ни для какого оружия. В реальности «Нуль-Синтеза» ишед был безумно дорог, но на безопасности военные, конечно, не сэкономили.

В этом же безумном мире ишед использовался даже для отделки храмовых зданий. Но ни на доспехах конвоя, ни на телах «храмовой» охраны Гор не увидел и бляшки «твердого золота».

Впрочем, возможное объяснение такого различия в вооружении и экипировке Гордиан определил почти сразу – на каждом из сопровождавших колонну охранников также оказались надеты такие же, как у него, ошейники. Такие же, как и у прочих «новоиспеченных» клонов.

Значит, сквозь зубы улыбнулся он, рабы стерегут рабов, сервы конвоируют сервов.

Всего в конвое находилось около двадцати солдат, все они, включая офицера или сержанта, возглавлявшего подразделение, оказались конными. Точнее не конными, а верховыми, поскольку ехали не на лошадях, а на рогатых тварях, более всего походивших на двухцветных, полосатых антилоп, значительно крупнее видов, известных Гордиану по Зелене или Жермину, его третьей планете.

Присутствие кавалерии в мире лучевого оружия и сложнейшей аппаратуры для клонирования казалось просто анахронизмом. Дали бойцам ружья? Так дайте им гравитранспортеры или хотя бы колесные броневики или джипы!

Тем временем тягостное путешествие клонов продолжалось уже как минимум час. И с каждой минутой из этого часа Гор удалялся от храма и терминала связи, а значит – от возможного спасения. Однако бывший демиург изо всех сил старался не думать об этом, а сосредото-

точиться на наполнении памяти информацией об окружающей действительности. Не терять бодрость духа, а объективно изучать и оценивать ситуацию.

Еще Гор старался не думать о сбитых с непривычки ногах. Да, давненько он не ходил пешком по жесткой грунтовой дороге. Если быть точным – вообще никогда не ходил.

Не сбиваясь с шага, украдкой из-под бровей и по возможности незаметно для окружающих, Гордиан рассмотрел ближайших к нему товарищей по несчастью.

Впереди него, тридцать седьмым по счету, брел стройный, высокий парень, чьи годы явно лишь немного превышали биологический возраст Гора. Так же как и все клоны, он был лыс, темен удивительно загорелым для клона лицом и угрюм. Этот человек оказался единственным, кто попытался оказать сопротивление конвоирам после экзекуции с ошейниками. Теперь на его спине красовались жуткие кровавые борозды от жестоких палочных ударов.

Парнишка шел с трудом. Гор по возможности осторожно поддерживал его, поскольку, судя по выражению искаженного гримасой лица, тот находился на грани обморока от усталости и травм.

Практически все в колонне были избиты. Все говорило о том, что в процессе перегона Гор вообще пострадал меньше всех, поскольку не сопротивлялся и старался своевременно и быстро выполнять команды надсмотрщиков.

Сразу за Гордианом, тридцать девятым в колонне, шел крупный, крепко сбитый светлокожий мужчина. На его голове красовался огромный кровоподтек, спина и руки также были украшены многочисленными следами от ударов и ушибов от падений, а выражение лица казалось горестным и подавленным. Серьезный рост и мощное телосложение не мешали несчастному идти с видом побитой собаки и чуть ли не пускать на грудь собственные слюни. Видеть слюнявость у целой горы костей и мяса, которую представлял собой здоровяк, было неприятно, и Гор неодобрительно покачал головой.

Уже перестав удивляться, он отметил для себя один факт: все клоны в шеренге оказались рослыми ребятами. Но при этом *не модифицированными*, поскольку спустя всего час перехода большинство устало и начало сбивать шаг, тяжело дыша и обильно потея. Это также наводило на определенные мысли.

В сельском хозяйстве не требуются широкоплечие высоченные здоровяки. Скорее – сухие и жилистые работяги, средней комплекции, умеренно сильные, но выносливые.

На войне, напротив, нужны бойцы с модифицированным телом, ускоренной реакцией и пониженным болевым порогом, а вовсе не здоровенные типы с бычьей мускулатурой. Любой модифицированный карлик разделает высоченного «натурала» под орех в две секунды, тем более если соперничество будет идти с высокоточным огнестрельным оружием в руках. Так что, узники из его колонны являли загадочную картину – они не являлись работниками, но не были и солдатами. Так кем же?

Странно, – подумал Гор, – ведь не на убой же их ведут, таких высоченных и здоровых! Не на мясо... Хотя, как сказать, могут и на мясо.

С еще большим потрясением для себя бывший демиург и диадок обнаружил, что из всех клонов в отряде он самый низкорослый – первое впечатление в отстойнике его не обмануло. Прикинув собственный рост относительно других сервов в шеренге, он определил его ниже метра семидесяти пяти, то есть по крайней мере на десять—двадцать сантиметров меньше самого маленького из своих спутников и более чем на сорок сантиметров меньше своего прошлого роста до неудавшегося Хеб-седа! По сравнению с костями его товарищей его собственные мослы казались узкими и тонкими, как кости недоразвитого ребенка, а мышечная масса – по юношески податливой, почти щенячьей. В ряду своих спутников Гор был не просто рабом. Он был самым маленьким и дохлым из всех рабов!

С другой стороны, почти все стражники конвоя, сопровождавшие сервов, оказались ниже большинства своих подопечных, так же как и Гордиан. Впрочем, таких плугавых, как он, не

встречалось даже среди конвоиров. Как бы там ни было, низкий рост не мешал стражникам всю унижать несчастных невольников, нанося им безжалостные удары за нестройный шаг, робкий поворот головы или чересчур громкий выдох. Гордиан, впрочем, избегал подобных наказаний. Когда рядом оказывался охранник, Гор вжимал голову в плечи, опускал глаза в землю и быстро семенил ногами, то ускоряя, то замедляя свои движения, чтобы попадать в общий темп ползущей вперед длинной колонны. Тычки и оплеухи обрушивались на его товарищей.

Вот тебе и братство угнетенных, – подумал Гор и, стараясь не отставать от более высоких собратьев по социальному статусу, снова ускорил шаг...

Глава 8

Первый шаг на пути к кладбищу

Как бы там ни было, к месту назначения они прибыли к только к позднему вечеру. «Местом» оказался обширный комплекс строений, огороженный высоченным – выше четырех метров – каменным забором с пиками металлических наверший по периметру. С дороги новообращенные рабы могли видеть непрерывный каскад кровельных крыш и каменных фасадов, прореженных одинокими ветвистыми стволами вековых деревьев, зеленая листва которых нависала над приземистыми и мощными корпусами белых кирпичных зданий. Над кронами деревьев и крышами домов возвышалась высокая пика донжона – сторожевой башни с растресканными тревожных сирен.

Сквозь полусонный дурман головокружения, возникшего от непрерывной ходьбы под палящим солнцем, Гордиан как мог прикинул пройденное расстояние. Клоны брели по дороге уже не менее двенадцати часов, с двумя небольшими привалами у колодцев. Учитывая скорость продвижения отряда, от храма с оборудованием клонирования и аппаратурой связи, так необходимой ему для избавления, их отделяло уже как минимум двадцать—двадцать пять километров.

Рабов подвели к широкой арке с роскошными красными воротами, укрепленными полами окрашенного в красный же цвет металла. Створки были раскрыты настежь, и у них стояли, мрачно ухмыляясь вновь прибывшим, вооруженные люди, экипированные примерно так же, как и конвоиры. В таких же ошейниках и с такими же погаными лицами.

Однако к этому времени все рабы, прошедшие столь долгий путь, скованные общей цепью и жестоко подгоняемые стражниками, были измождены до той степени, в которой вряд ли могли изучать выражение лиц новых тюремщиков.

– Свежее мясо, Крисс, пропускай! – С этими словами старший офицер конвоя Гаврин, свесившись с лошади-антилопы, сунул одному из стражников возле ворот свернутую в трубочку смятую бумагу. – Это накладная.

– Что-то слишком они дерьмово выглядят для «свеженины», – ответил Крисс, бегло просматривая для порядка врученную накладную. – Надо чаще делать привалы, старшина, а то кто-нибудь из уродов сдохнет, а нам отвечать.

Один из стоящих возле ворот охранников гортанно заржал и ткнул прикладом своего оружия ближайшего раба. Тот завалился на землю, но, подрагивая от ужаса и унижения, тут же попытался встать, что у него не очень получилось, учитывая, что ноги были сбиты в кровь, а руки скованы.

– Встать. Встать! – рявкнул несчастному конвоир, названный товарищами Криссом, а после того как раб с трудом поднялся, этот стражник повернул свое темное от загара лицо к ударившему раба охраннику и схватил его за мундир. – А ты не тронь уродов, дурень! Видишь – еле держаться.

С этими словами Крисс махнул рукой, и вереница забитой в оковы «свеженины» в сопровождении своего конвоя и нескольких человек, выделенных от охраны ворот, проследовала внутрь. За воротами оказался обширный двор с растекающимися узкими коридорами и проулками между зданиями комплекса.

Спустя еще несколько изнурительных минут они оказались у длинного каменного барака с земляным полом. Внутри барак оказался разделен на небольшие камеры с глухими дверьми и зарешеченными окошками.

Охранники спешно разомкнули живую цепь из скованных человеческих тел и отстегнули металлический шнур, соединявший ошейники от пазов на каждом хомуте. Затем тычками распихали рабов по камерам, вталкивая в каждую по четыре человека.

От общей цепи ошейник Гора отстегнул тот самый охранник по имени Крисс, что встречал их у ворот. Как выяснилось впоследствии, так же как и Гаврин, он был старшиной местной охраны, начальником полусотни охранявших сервов бойцов. Украдкой Гордиан осторожно посмотрел на вооруженного до зубов «вертухая».

Не слишком мощный, но рослый мужчина был крепок и суров. Однако лицо было «чистым», лишенным той печати испорченности и высокомерия, что даже на первый взгляд характеризует конченных садистов и живодеров. Нормальное лицо. Спокойный, уверенный взгляд. Остальные охранники как раз разбрелись вдоль цепи, и именно в этот момент потенциальная жестокость Крисса не подстегивалась вниманием товарищей по службе. Надеясь на относительное мягкосердечие человека, заступившегося в воротах за упавшего раба, Гордиан решился. И спросил едва слышным полупшепотом, стараясь придать голосу максимум трепета и испуга.

– О, мастер Крисс, мой господин, где мы? – тихо произнес он. – Что это за ужасное место?

Гор вполне ожидал вместо ответа страшного удара кулаком в лицо или коленом в живот со стороны стражника, однако надеялся, что рабский ошейник, надетый на шею Крисса, все же внушает надежду на тень понимания. И действительно, тот сдержался, ограничившись лишь холодной и жесткой усмешкой.

– Это Дуэльная школа, серв, – нисколько не смущаясь, Крисс вполне дружески хлопнул его по спине. – Наш общий путь к кладбищу.

Дверь захлопнулась, и измученные тела повалились наземь.

Глава 9

Братья по неволе

Поскольку рабов растаскивали по камерам в той же последовательности, в которой они были скованы в общей цепи, Гор попал в тесную комнатушку с теми же людьми, с которыми шел рядом в колонне.

Первым из них оказался условно названный Гором «Тридцать девятым» светловолосый рыдающий здоровяк. Очень крупный мужчина около тридцати лет, здоровяк был подавлен приключившимся и не слишком склонен к общению. Когда Гор оторвал его ото сна, Рашим (а именно так звали несчастного) в ответ на распросы только причитал и всхлипывал. Тем не менее сквозь проклятия и слезы Гордиан узнал, что Рашиму в прошлой жизни было по меньшей мере пятьдесят и он был низкорослым лысеющим толстяком, страдающим подагрой. Вновь приобретенная молодость и физическая стать почему-то отнюдь не радовали его. В покинутом им мире осталась большая любимая семья: две жены и четырнадцать детей, а также любимая сестра и пятеро племянников (женщины, по всей видимости, в том мире были очень плодовиты).

Рашим был зажиточным купчиком средней руки в какой-то примитивной вселенной, в стране с уровнем развития, примерно соответствующим по шкале техники самому началу «железного века». Он не был знаком ни с огнестрельным оружием, ни с электричеством, ни с паровым двигателем, ни тем более с таким невероятным достижением человечества, как канализация и туалетная бумага. Но недостатком образования не страдал. Рашим отлично умел писать, читать и особенно – считать. В прошлом он занимался скупкой сельскохозяйственных продуктов у мелких частных крестьян и реализацией оной в родном городе. Знал наизусть множество молитв, половину из которых успел за время разговора начать читать Гору, который его бессовестно прерывал, желая все-таки сэкономить время для сна.

В том своем прошлом Рашим был свободным. В его мире существовали рабы, набираемые почему-то не из военнопленных иноземцев, а из соплеменников. Но рабы имелись в крайне незначительном относительно свободных людей количестве и являли собой необычайно презируемую касту. Впрочем, презируемой кастой в его мире считались также и иностранцы. Поэтому, обнаружив себя в теле иной расовой принадлежности, а именно – белым (раньше он был краснокожим), да еще и в шкуре раба, Рашим чуть не сошел с ума. Гор подумал, что, возможно, именно потерей социального статуса, а не только слабостью духа объясняется столь подавленное состояние сокамерника.

Рашим очень любил свой дом, свою семью и умер на своем ложе от старости, ожидая, что попадет на некие чудесные поля, в которых боги и богини, которых он, кстати, трепетно почитал всю жизнь, станут поить его цветочным нектаром. И никак не полагал, что окажется с белыми(!) рабами в вонючем бараке.

Да уж, решил Гор, страдалец.

Другим товарищем по несчастью оказался молодой парень двадцати—двадцати пяти лет на вид со странно знакомым Гору по исторических хроникам именем Самсон, шедший в колонне тридцать шестым. Самсон не стонал, как Рашим, но также не стремился к разговору, а просто лежал со спокойным и отрешенным видом. Он назвал имя, сказал, что в прошлом ему было около сорока, он был рыбаком и умер в холодную зиму от голода, после того как продал лодку и снасти для уплаты оброка. Затем послал Гора подальше, справедливо заметив, что нужно поспать.

Гордиан понял бесперспективность дальнейших попыток и переключился на «тридцать седьмого». Того звали Никий, и он оказался единственным из сокамерников кто был молод не только биологическими годами, но и памятью духа. Никию было на вид двадцать лет, и именно

столько стукнуло ему в момент смерти в прошлом воплощении. По шкале технического развития Никий был гостем из «бронзового века» и не знал не только канализации, но и письма со счетом. Он поклялся, что был отличным охотником, хорошо метал аркан, а также метко стрелял из лука стрелами с бронзовыми наконечниками.

Тут Гордиан принялся спрашивать подробнее и выяснил, что Никий имеет в виду не серьезный боевой лук, а маленький охотничий, с убойной дальностью полета стрелы не более пятидесяти метров. Не то чтобы Гор был сильно разочарован, но выходило, что он, пожалуй, один из всей четверки имел в прошлой жизни хоть какое-то отношение к военной службе и имел навыки обращения с нормальным оружием.

Действительно, то был тяжелый случай. Несмотря на исключительно мирную профессию юного скотовода, Никий презирал земледельцев, «возящихся с навозом», и заявлял, что единственные, кто достоин уважения, – это кочевники, «погоняющие стада», среди которых он родился и вырос. А также заявил, что был отличным наездником и обучен конной охоте с пикой, что для человека не старше двадцати звучало несколько неубедительно. Впрочем, успокоил сам себя Гор, дикий быт делает людей старше. Возможно, парень не врет. Никий также был единственным из четверки клонов, кто умер насильственной смертью – ему проломил череп во время стычки такие же ребята-скотоводы из конкурирующего клана.

Нужно признаться, что после расспросов Гор остался немало удивлен.

Во-первых, до появления в теле клонов в адаптационной камере храма, все три его спутника были мертвы в своих мирах.

Во-вторых, вне зависимости от условий, все трое оказались из достаточно неразвитых миров. Более примитивных, чем тот, в котором они оказались сейчас, и неизмеримо более примитивных по сравнению с ультрасовременными кластерами Корпорации Нулевого Синтеза. Сомнений у Гора не было – все страны и народы, описанные его сокамерниками, не существуют в реальности и представляют собой всего лишь «программные» версии реальности – виртуальные химеры, созданные компьютером для скачивания человеческих матриц с псевдолюдей.

Три таких псевдочеловека лежали сейчас вместе с ним на холодном полу с ошейниками на плечах. Однако что делает среди них он, демиург Корпорации Гордиан Оливиан Рэкс? Леденящая душу мысль прокралась в голову – быть может, вся его прошлая жизнь также фикция, придуманная неизвестным программистом? А настоящая реальность здесь, в этом бараке? Но он откинул идею как неподтвержденную – в храме было оборудование, знакомое ему по работе в «Нулевом Синтезе», да и слишком сильно его биография отличалась от жизненного пути невольных товарищей.

Выслушав все истории, Гордиан рассказал и о себе, назвавшись бывшим солдатом, умершим от старости в шестьдесят, сократив, таким образом, свой возраст на три столетия, и немного описал свой мир, взяв за основу для фантазий город Старбад на любимой Залене. Рашид и Никий прониклись уважением к его возрасту и профессии, Самсону же было, похоже, все равно. Вскоре беседа умерла, поскольку новоиспеченные рабы все же слишком устали.

Откинувшись спиной на грязный, основательно испачканный в земле матрас (один из четырех имевшихся в камере), Гордиан Рэкс подложил под голову руку и заснул под беспокойное посапывание своих новых товарищей.

Глава 10

До смерти Бога остается час

Мистер Эс. Си. Рукс стоял в обширном зале реинкарнации, по правую руку от готовящегося к неприятной процедуре Гордиана. Эс. Си. Рукс был, пожалуй, единственным из всех демиургов Нуля, с кем за два столетия редкого, но регулярного общения в закрытых элитных клубах и спортивных секциях, Гордиан Рэкс смог достаточно сблизиться и, назвать своим другом. По крайней мере, сблизиться настолько, чтобы попросить последнего стать личным секундантом в Хеб-седе.

Причиной этой близости являлась, безусловно, относительная молодость как самого Гордиана, так и мистера Рукса. Сандр Симониан Рукс конечно же был постарше, но также едва перевалил за шесть сотен лет от первого рождения в клонической колбе Кадрового департамента.

Рукс пережил уже два Хеб-седа, причем один из них был досрочный – несколько столетий назад демиург сломал себе шею, катаясь на горных лыжах в труднодоступных ледяных ущельях на одной из собственных планет.

Шею он сломал вместе с головой, руками, ногами и позвоночником. Да так, что останки старого изуродованного тела не нашли до сих пор. Сейчас высокий, белобрысый, голубоглазый, улыбающийся и просто пышущий здоровьем Сандр Симониан подбадривал Гора жизнеутверждающими напутствиями.

– Не дрейфь, Гордиан, – приговаривал он. – Сменить тело что? Плюнуть и растереть! Вон, твой Пит Тициан уже небось с тыщу штук сменил. И гляди – как новенький.

Верховный Архонт Ареопага Нуля, хапи Пит Тициан Аякс стоял слева и при этом молчал. Лишь иногда, очень редко и тихим голосом, он также подбадривал Гора.

– Хеб-сед действительно не сложная процедура, мой друг. Технология переноса отработана тысячелетия назад и практически не дает сбоев. Не волнуйтесь. Все пройдет как надо.

Гордиан и сам это понимал.

«Техника Хеб-седа сбоев не дает» – так говорит статистика и общественное мнение. Главное, что необходимо тут сделать – это тщательно перебрать воспоминания и выбрать здоровое, крепкое и полностью удовлетворяющее тебя тело.

Важность воспоминаний для всякого очевидна – есть мысли и картинки, которые хотелось бы позабыть, чтобы избавиться от фобий, вредных привязанностей и навязчивых идей. А есть, напротив, память о днях, которые следует освежить и держать в голове яркими всегда, чтобы повысить самооценку, поддержать эмоциональную связь с друзьями и любовницами, стимулировать нужные черты характера и так далее.

Что же касается тела, то тут проще. Нестареющая оболочка, в который ты будешь существовать следующие триста шестьдесят лет, – это важнейшая покупка на этот период. Ни роскошный автомобиль, ни космическая яхта, ни даже самая красивейшая из наложниц или совершеннейшая из гончих собак ни сравнится по важности с глазами, которыми вы начнете смотреть на мир, с руками, которыми вы станете его трогать, с ногами, которыми по нему пойдете, и, извините, с органом, которым вы будете его... скажем, любить.

Говоря одним словом, тело – это важно.

Триста шестьдесят лет назад в Кадровом департаменте Корпорации Гора одарили вполне сносным экземпляром, в котором он дослужился до диадоха и заработал свое поистине фантастическое состояние. Среднерослый шатен, с несколько мелкими чертами лица, немного неуклюжий, но вполне развитый физически.

В среде товарищей он не выделялся ни уродливостью, ни особенной красотой, и женщинам нравился в достаточной степени. А именно в той, в которой по тебе не сходят с ума, но

и не отказывают во внимании. Не удивительно поэтому, что внешность и физические данные никогда особо не волновали Гордиана в бытность службы. А уж когда он стал демиургом и пресыщенным обладателем двух миллионов рабов, включая свыше двадцати тысяч фантастически блистательных наложниц, эта проблема перестала его волновать вообще.

И все же нынче к выбору тела Гордиан Рэкс подошел ответственно. Шутка ли, триста шестьдесят лет провести абы как! Нет уж, тут нужно быть разборчивей.

Безусловно, при наличии желания (а уж тем более в случае внезапной гибели или насильственной смерти) Хеб-сед можно было провести и раньше, однако даже для его возможностей демиурга это стоило очень недешево, причем не столько из-за расценок на саму процедуру и цен на клонированные тела, сколько из-за ограничительного налогообложения, которым Корпорация Нулевого Синтеза сужала возможности для реинкарнаций в подконтрольных мирах. Триста шестьдесят лет – и баста. Хочешь чаще – плати в тысячу раз дороже!

И вот, пройдя по рядам собственной лицензированной (то есть работающей под контролем Правительства Корпорации) клонической мастерской, Гор выбрал лучшее тело из специально созданных для него на этот случай. Ну, во всяком случае, так ему казалось.

Он потрогал свои будущие тела через прозрачный биоупаковочный пакет. Перед ним висел могучий мужчина, значительно выше среднего роста (почти два с лишним метра), бронежилет, с перекачанной под кожей рельефной мускулатурой, с мощными пластинами мышц на груди и развернутыми плечами. Орлиный нос и подбородок с ямочкой. Красота! А половой член? Чудовище! Вот только не слишком ли вычурно? Гордиан нахмурился и вздохнул. Вот всегда так с выбором, – подумал он. – Не доберешь – мучаешься, переберешь – мучаешься...

А, к черту!

Гор многозначительно кивнул, показывая следовавшему за ним по пятам технику, что выбор сделан. И, собственно, на этом его участие в управлении Хеб-седом и исчерпывалось. Дальнейшая процедура являлась делом автоматике.

«Техника Хеб-седов сбоя не дает» – вновь всплыло в голове.

И все же, все же...

Их вчерашняя беседа с Аяксом закончилась на весьма дружеской, но все же оставляющей повод для размышлений ноте.

Архонт так и не смог добиться от Гордиана фактического согласия на заказ. Гор сначала долго торговался, повышая сумму за свои услуги (сам не зная почему, ведь работа была ему интересна и так), но затем объявил, что согласен с этическими аргументами Аякса и деньги за работу его вообще не интересуют. Но интересует другое – возможность полностью разобраться в вопросе и, конечно, гарантии собственной безопасности по завершении поиска.

– Ну-ну, – заметил по этому поводу мистер Аякс, – гарантий, сударь, тут быть не может. Вашу безопасность обеспечивают не мои обещания, а ваши телохранители и два космических линкора, как их? Да-да, «Шандор» и «Табу», охраняющие границы вашей личной вселенной. Усильте охрану, прикупите еще боевых кораблей. Что тут сказать?

– Как что? – удивился Гордиан. – Как бы не была сильна моя охрана и частный космический флот, против атаки полносоставной галактической эскадры «Нуль-Синтеза» она не выстоит и часа.

– На этот случай, вы, сударь, защищены законом. Сколько бы наглости ни набрался мистер Октавиан, атаковать частный кластер демиурга силами Космического флота НС он сможет только имея на руках о-очень веские доводы. Так же как, впрочем, и я. Приступая к поискам с официально переданным вам личным кодом Архонта, вы ведь не нарушаете закон? А значит, и флот Корпорации против вас не направят. Наши адмиралы ведь не полные идиоты, и напрямую они подчиняются только Учредителю, которого, как вы знаете, нынче нет.

– Значит, ни вас, ни Октавиана мне опасаться не надо?

– О, тут я не стал бы ручаться. То, что нам не подчиняется флот Нуля, отнюдь не означает, что нет других возможностей. Большинство погибших членов Ареопага было уничтожено именно так – не в результате космической бомбардировки их планет, а путем мелких силовых акций. Кого-то выкрали и убили в месте, защищенном от пространственного переноса матрицы сознания в аппаратуру воскрешения. У кого-то стерли память пси-воздействием, кто-то просто исчез – и его местонахождение нам до сих пор неизвестно.

– Хм, разнообразно!

– А как иначе? – развел руками Аякс. – У каждого из демиургов индивидуальная система защиты, и соответственно к каждому нужно подбираться индивидуально. Меня, слава Богу, эта участь миновала.

– И меня.

– Ну, не зарекайтесь, сударь. Я с вами уже сутки, и Октавиан вас не беспокоит. Как я понимаю, вы все же ему отказали?

– Я умолчу.

– О боже, Гордиан, да что тут умалчивать! Это ясно как божий день. Если вы отказали Верховному Стратигу Нуля, это может быть действительно опасно. Он может ударить в любую минуту и с любого направления.

– А через программу Хеб-седа?

Аякс задумался.

– Не думаю, – спустя секунду высказался он. – Хеб-сед всегда был слишком важен для нашей цивилизации, а потому за миллионы лет его программы доведены до совершенства. К тому же я решил немного подстраховать вас, и мой программист дополнительно к вашим специалистам должен пресечь возможные посягательства.

– Вы влезли в мою систему?

– Да что вы, сударь, упаси бог! Тот бог, который Иешуа, а не Аннубис, разумеется. Мой человек контролирует общедоступные внешние сети, а также внепространственную передачу сигнала на ваши машины. И только. Вообще, по крайней мере теоретически, осуществить насильственный взлом компьютерной системы частного домена может только лицо, имеющее доступ к файлам Архива Экклесии, в котором хранятся копии кодов от всех частных доменов демиургов. А Октавиан, смею заметить, всего лишь глава правительства и никакого отношения к архивам Собрания акционеров не имеет. Так что программное нападение – вряд ли реально. И все же при каждом шаге будьте осторожнее, сударь, ваше существование, ваш не контролируемый им талант – опасность для узурпатора!

Он сделал паузу.

– Что же касается вашего ответа на мое предложение, то... хм не будем торопиться. Пусть этот ответ прозвучит после вашего Хеб-седирования. Впрочем, если коротко, то позволю себе озвучить еще один момент.

Впервые за время их общения Архонт нахмурился.

– В своем неверии, – произнес он, – Тэдди Октавиан полагает, что создатель Корпорации мертв. Это глупая, безумная ересь! Бог Смерти не может умереть. Наша цель поэтому – не присвоить программы-коды, а отыскать Учредителя и восстановить вселенский порядок. Поэтому, если вас на самом деле не интересует предложенный мной гонорар (губы Аякса искривились в подобие улыбки), я предлагаю вам не работу на меня, а свободный поиск, Гордиан, свободный поиск! Попробуйте отыскать своего создателя сами. Не для меня, мистер Рэкс. Для себя!

Гор на мгновение замер. Он посмотрел на прекрасное, вечно юное лицо бессмертного. На его струящиеся по плечам волосы. На бездонные, как море, глаза. Глаза светились честностью.

– Годится, – сказал он и протянул руку для рукопожатия.

Спустя двадцать минут обнаженный демиург Гор лежал в клонической колбе.

– Готовы, сударь?

– Конечно.

Техник кивнул и нажал тумблер.

Что-то загудело. Глаза закрылись, и душа Творца Тринадцатимирья... отправилась в Ад!

Глава 11

Первый день после смерти

Гордиан Рэкс зябло повел плечами и открыл глаза.

Взгляд уперся в каменную стену серого с оттенками плесени цвета. Утро нового дня, его первого дня в неизвестности, принесло пробуждение после беспокойного сна, проведенного в узкой холодной камере. Оно пришло вместе с окриками охранников, поднимающих новичков тычками приклада и пинками ног. Рабы медленно вставали, глядя друг на друга красными, слезящимися глазами, неловко разминая сведенные за ночь неудобными позами конечности и спину.

Продравшую глаза полусотню отправили сначала на мойку, где каждому выдали по ничтожному (с большой палец ноги) куску грубого, дурно пахнущего мыла и окатили ледяным душем в отдельно стоящем «санитарном», как назвал его для себя Гор, бараке.

Затем, не дав одеться, то есть в совершенно обнаженном виде, их подвергли тщательному медицинскому осмотру, где каждого из новоприбывших внимательно изучил врач. Особое внимание, впрочем, последний уделял не столько физическому состоянию здоровья прибывших, сколько их внешним параметрам – рост, вес, объем бицепсов и бедер, цвет волос, глаз, кожи.

Все данные старательно фиксировались в толстом, прошитом журнале. Как показалось Гордиану, осмотр проходил на достаточно профессиональном уровне с применением простого, но не совсем уж примитивного оборудования (в частности, применялся фонендоскоп). В одно мгновение Гор подумал даже, что после осмотра их станут фотографировать в фас и профиль, как в закрытых учреждениях Корпорации, однако этого не произошло.

Одновременно с физическими данными, тот же врач записывал имена новоприбывших. Когда подошла их очередь, Рашим даже попытался назвать несколько своих последовательных имен, включая наследственное имя рода и первое имя своего отца, как полагалось по обычаю его страны, однако врач прервал его, сказав, что одного имени будет вполне достаточно.

Никий заявил что он Никий, Самсон – что Самсон. Гор также не стал мудрствовать и назвал только имя – Гордиан, полностью проигнорировав фамилию. В любом случае он не собирался задерживаться в рабах (или по здешнему – сервов) надолго. После внесения новоиспеченного раба в список сидевший рядом с врачом помощник прикреплял к ошейнику очередного назвавшегося табличку с грубо начертанным именем.

Затем всем пятидесяти невольникам позволили надеть свои туники и шорты, в которых они проделали путь до школы. Выданная одежда каким-то образом оказалась постиранной и отпаренной за то время, которое заняли осмотр и мойка, так что Гор сотоварищи оказался в чистом. Это наводило на мысль о возможном наличии в комплексе современного автоматического оборудования – по крайней мере бытовой техники для стирки и сушки, что в свою очередь свидетельствовало о наличии электричества. Впрочем, в бараке, в котором они провели ночь, света не было.

Впоследствии Гор узнал, что оборудование, работающее от электрического питания, в школе действительно имелось, причем не только для стирки одежды и для других многообразных бытовых нужд, и для его обслуживания был выделен целый штат специальных сервов числом более сотни человек.

Однако среди этих сервов не было никого, кто бы разобрался в устройстве техники. Более того, механизм работы стиральных аппаратов, фрезеровочных и токарных станков и даже осветительных приборов с галогеновыми светильниками содержался в ужасном секрете. Для обслуживания всей этой «секретной» машинерии вызывался специальный жрец из храма, являв-

шийся не только в случае поломки, но и раз в неделю объезжавший все местные поместья для профилактического осмотра всего электрического оборудования.

После осмотра знакомство с новым местом обитания продолжилось. Как сказал ему вчера охранник Крисс, место это действительно именовалось Дуэльной школой. Последняя, однако, не являлась отдельным и независимым учреждением, а находилась в составе огромного шато, которое, пожалуй, с некоторой натяжкой можно было назвать даже маленьким городом. Шато именовалось Лавзейей, по названию древней, ныне полностью поглощенной зданиями поместья исчезнувшей деревеньки, а Дуэльная школа соответственно – «Лавзейской Дуэльной школой».

В радиусе двух-трех километров от комплекса зданий Дуэльной школы располагались коттеджи управляющих, великолепная вилла и парк хозяина поместья, госпиталь для взрослых сервов, детский садик и лечебница для маленьких невольников (несмотря на клонические технологии, здесь и такие были), продовольственные магазины и магазины промышленных товаров, таинственное и загадочное учреждение с названием «Лавзейская школа наложниц», склады, столовые и конечно же бесчисленные сельскохозяйственные постройки, в которых проживали сервы для обработки земли, содержался скот, хранилось собранное зерно и прочие продовольственные запасы.

Все это «немыслимое» по местным меркам богатство (интересно, что бы тут сказали, узнав что Гор является владельцем не просто шато, а собственной карманной вселенной, используемой в качестве дворца и парка) принадлежало одному человеку и обладателю замысловатого и древнего аристократического титула по имени Рэй Хаатдаф Карим Саварон Бре-горт.

Имя звучало именно так, и Гор повторил его про себя медленно, катая на языке и впечатывая прессом в память.

Имя было сложным и трудно запоминаемым для непривычного человека, однако все пятьдесят рабов, пригнанных в школу в то памятное Гору утро запомнили его сразу и на всю оставшуюся жизнь. Поскольку сразу после медосмотра измученных вчерашним переходом и отсутствием кормежки «школьников», не отошедших еще от шока, принесенного первым днем пребывания в новом мире, выгнали на плац перед светлы очи мастера старшины Гаврина, который временно отвечал за «их» полусотню. Рабов били до тех пор пока имя хозяина и несложные правила пребывания в школе не стали отскакивать у них от зубов.

Правила для только что поступивших сервов (Гаврин назвал их «кадетами») были просты, как пинок хозяйского сапога:

- подчиняться беспрекословно, выполнять приказы максимально быстро;
- не просить, не спрашивать, не говорить ни с кем пока не спросят, к старшим рабам обращаться только через своего непосредственного начальника, сиречь мастера старшину;
- не покидать пределы школы без специального разрешения.

Наказание за нарушение последнего правила были наглядно продемонстрировано тут же. По команде харкающего слюной мастера старшины, один из «кадетов» бегом бросился к раскрытым настежь воротам школы. Он выбежал наружу, пробежал около тридцати шагов и свалился в пыль, содрогаясь в диких конвульсиях от мощного электрического разряда: действие электронного хомута было простым, наглядным и эффективным.

Двое охранников подхватили находящегося в бессознательном состоянии несчастного за ноги и, шмякая головой о камни, оттащили в медблок.

После демонстрации возможностей ошейника, которые «старшие» рабы-охранники называли «койн», новоприбывших стали разводить по разным отрядам. Как понял Гордиан, для того чтобы компенсировать потери в личном составе, принесенные последней «дуэлью». Забирали их по одному и парами, руководствуясь списком, который зачитывал Гаврин.

Никия и Рашима забрали в один отряд, Самсона – в другой. Спустя полчаса после начала развода процедура закончилась и в центре площадки, на которой недавно стояло пятьдесят

рабов, остался один только Гордиан, к своему вящему удивлению. Он оказался единственным, кого не забрали в «кадеты» Дуэльной школы.

Причина выяснялась быстро. Гаврин лично подошел к нему, бодро пнул и заявил стоящему рядом товарищу, что «недоносок слишком мелкий» для дуэльных боев и он его «бракует». Выслушав каркающие крики старшины, Гор с ужасом вспомнил, что по результатам медосмотра, он *действительно* оказался самым тщедушным и низкорослым из всех пятидесяти человек. Возможно, ему просто не повезло и во время изготовления нового тела произошел небольшой сбой программы, из-за чего клон получился слишком subtilный. А возможно, в этом заключался некий смысл, и Гор отличался от остальных «выращенных» рабов не только памятью, но и чем-то еще. Как бы то ни было, услышав решение мастера старшины, Гор внутренне напрягся. Кто его знает, может быть, «бракованных» клонов тут немедленно ведут в крематорий? Но его всего лишь определили в Службу мажордома на виллу хозяина поместья в качестве подсобного рабочего, поскольку ни по возрасту, ни по квалификации Гор, по мнению Гаврина, более ни к чему не годился.

– Повезло! – весело сказал ему один из охранников, тычками подгоняя молодого серва к выходу из помещений школы в ближайший кухонный блок. – Будешь драить пол и дерьмо из уборных выносить, пока твои кореша на ристалище кишки из друг друга выпускают!

«Действительно, повезло», – подумал и сам Гор, сидя на кухне сорок минут спустя и уплетая за обе щеки незамысловатую бурду из зерновых злаков с куском грубого черного хлеба. На вкус бурда была той еще гадостью, однако он не ел почти сутки и сам себе признавался, что никогда в своей прошлой сытой жизни не ел с таким потрясающим аппетитом. Это лишь подтверждало старую истину: жизнь не так уж плоха, если набит живот.

В общем, Гор был жив, сыт, молод, здоров, а значит, кто бы ни запихал его в эту дыру, бывший демиург с ним еще повоюет.

«Не так ли, сударь? – думал бодро реинкарнированный полубог. – Именно так!»

Глава 12

Мастер старшина Гаврин

Однако спустя всего три дня Гор был голоден и близок к смерти. Он висел на грубом квадратном щите, сколоченном из необструганных досок, привязанный за руки и за ноги к петлям в верхней и нижней части своего изысканного «ложа». Веревки закручивались на четыре небольших ворота, и поэтому тело было растянуто. Не до разрыва сухожилий пока, но достаточно сильно, так что спустя всего час после «растяжки» Гордиан уже почти не чувствовал ни кистей, ни стоп.

Висел он в таком положении между тем уже почти шесть часов и начинал бояться, что после экзекуции вообще не сможет двигать онемевшими пальцами и станет попросту инвалидом. Щит был поставлен почти вертикально, с наклоном к полу под углом всего семьдесят—восемьдесят градусов. Гор висел на нем лицом к доскам и с открытой спиной. Спина плыла и горела. Гаврин, старая собака, бил его уже не за провинность, а для развлечения. Хорошо, что бил не кнутом (а то давно убил бы), а вымоченными в воде розгами, поочередно сменяя свои орудия, откидывая использованные и доставая новые из стоящей рядом кадлушки.

На спине и бедрах Гора, висевшего, кстати, перед этим изувером в обнаженном виде, уже практически не было живого места – только одно сплошное рваное мясо, однако ублюдок продолжал измываться, со свистом вгоняя ветку в кровавое месиво, бывшее когда-то спиной человека.

Сначала Гордиан пытался специально громко кричать, чтобы таким образом ублажить живодерские аппетиты мастера старшины и сократить время экзекуции. Однако вскоре понял, что Гаврин увлекается такими играми, подчиняясь только какому-то внутреннему зову и безотносительно к поведению жертвы. После этого Гор замолчал, не издавая ни звука даже при самой изощренной оттяжке розгой, во владении которой подонок, по всей видимости, являлся непревзойденным специалистом. Собственно, вскоре уже не осталось и сил, чтобы орать.

Но за что? Хороший вопрос.

Вчера вечером Гор, который, несмотря на свой новый статус подсобного раба, старался по возможности собирать информацию об окружающем, рискнул всего лишь выйти за пределы кухонного сектора, в котором обретался, вынося помой и чистя чугунную посуду, чтобы произвести беглый осмотр примыкающих к нему помещений и, возможно, распросить кого-то из встреченных рабов о режиме работы других подразделений этого обширного хозяйства, а не только кухни, о которой он уже почти все знал на зубок. За день до этого Гору уже удалось подобным способом разведать путь к выходу из поместья и даже дойти до стен Дуэльной школы, где содержались «кадеты» из «его» полусотни, а также узнать местонахождение апартаментов самого главного раба в поместье – вилика Сабина, который управлял тут всеми делами и которому подчинялась охрана комплекса.

Тогда Гордиан спокойно прошел весь путь и спокойно вернулся обратно. Никто из служебных сервов и даже никто из рядовых охранников не останавливал его – по поместью постоянно шатались с различными поручениями, да и по личным делам сотни рабов. Помешала случайность – он встретил Гаврина, почему-то запомнившего Гора в лицо. Возможно, в других обстоятельствах Гаврин также ничего не сказал бы «мелкому недоноску», однако старшина оказался не в настроении и, больно ухватив тщедушного пацана за кожу и тонкие мышцы между правым плечом и шеей, потащил его к себе в «экзекуторскую часть».

Несмотря на «детские» мышцы, Гор мог легко вырваться из лап Гаврина, сломав ему что-нибудь резким ударом или вырвав сустав руки, однако понимал, что сопротивляться в данном случае только хуже и решил перенести наказание, изображая напуганного юнца.

Но не получилось. Гаврин был в очень плохом настроении, и поднять это настроение ему могла только долгая, продолжительная пытка. В итоге настроение Гаврина в течение последовавших за сим шести часов последовательно улучшалось, а вот состояние здоровья демиурга Нуль-Корпорации Гордиана Рэкса в прямой зависимости с этим улучшением падало к отметке «телесные повреждения, несовместимые с жизнью».

Время от времени Гаврин уставал от учиненной им экзекуции, отбрасывал розгу и выходил наружу, чтобы проветриться. Иногда – надолго. Но Гор оставался висеть, страдая уже не только от ободранной спины, которой почти не чувствовал, но от страшно неудобного положения и затекших конечностей. Ситуацию усугубляло то, что Гор обладал очень сильной рассудочной частью восприятия и, несмотря на боль и длительность пытки, сознания не терял. Раньше он мог отключить свой мозг по желанию, однако такая пси-практика была потеряна с прошлым телом и с мозгом, утраченным после Хеб-седа. Единственное, что он мог теперь, – надеяться, что боль и повреждения организма сведут его разум в беспамятство раньше, чем он превратится в труп.

Но, к счастью или нет, этого не случилось.

К неопишуемой радости Гора ублюдок-палач наконец удовлетворился и, махнув рукой ребятам из охраны, подрабатывающим одновременно конвоирами, санитарями, а также помощниками палача, свалил из «экзекуторской» по своим ублюдочным делам. Те ослабили тросы и сняли тело Гордиана с изуродованной спиной и бедрами с окровавленного щита. Поскольку передвигаться самостоятельно тот уже не мог, его просто волоком оттащили в ближайшую камеру и заперли на амбарный навесной замок.

Бывший демиург валялся в багровом тумане, и сознание его по-прежнему блуждало в черепной коробке, топчась по мыслям, как обколовшийся наркоман по собственной блевотине. Да уж, такой порки господь частной вселенной никогда не испытывал за свои триста шестьдесят с лишним прожитых лет.

И все же Гор не сильно жалел о случившемся. Совершив за два дня обход комплекса, пусть и такой болезненной ценой, он узнал почти все, что ему требовалось.

Он был готов. Осталось только переждать время, чтобы истерзанное тело снова пришло в дееспособное состояние. А с Гаврином за эти «шесть часов» он еще рассчитается. Суровая этика Корпорации требовала, чтобы всякого, кто посягнул на ее служащих или ее имущество, постигала смерть. И пусть сейчас заводы «Нуль-Синтеза» далеко, он остался его работником, демиургом, менеджером, солдатом, диадохом и черт знает, кем еще.

Гаврин – не жилец: это Гордиан Рэкс знал точно.

Глава 13

Попытка номер раз

Отлежавшись пару дней на грязной подстилке практически без еды и медицинской помощи, если не считать поваренка, принесшего ему в камеру воду и миску помоев, явно взятых из хлева для скота, Гор все же пришел в себя. До нормы оставалось как до радуги через небо – спина страшно болела, поскольку только начала обрастать новой кожей, затягивая раны темной коркой, но сил ждать полного выздоровления не оставалось.

Ненависть почти захлестывала Гордиана, хотя он и не подавал виду, пряча глаза всякий раз, когда мимо проходил охранник. Как только Гор смог встать сам, он отправился в кухню, к которой был приписан, чтобы вернуться к своим рабским обязанностям. Первым делом, получив затрецину от старшего повара, он отдраил пол, вычистил посуду и наносил воду в бочку, служившую технической емкостью. Работать было тяжело, однако злость подстегивала его трудоспособность. Затем он умылся и поел, чтобы подпитать идущий на поправку организм.

Наконец наступил вечер. Поскольку отдельной комнаты у Гора не было и ночевал он прямо на кухонном полу, то вскоре остался в кухне один. Подождав еще полчаса, пока все окончательно разбегутся, Гор торопливо собрал в узел немного тряпья, служившего ему постелью, кое-какой инструмент, а также продукты, стараясь выбрать наиболее легкие и калорийные.

В ход пошли сухое мясо, сыр, печенье и шоколад, который, к удивлению Гора, присутствовал в этом мире, хотя о кофе здесь никто никогда не слышал. Видимо, шоколад и некоторые иные специфические пищевые продукты, медицинские препараты и высокотехнологичные предметы непосредственно в поместьях не производились, а экспортировались откуда-то. Помимо продуктов Гор прихватил с собой бутылку крепкого алкогольного напитка, напоминающего по цвету зеленую болотную воду, а тяжелыми маслянистыми переливами и дерущим глотку вкусом – низкокачественное бренди.

Напиток по местному назывался «тин» или «тинза» и должен был пойти как на медицинские цели, так и для внутреннего употребления, так сказать, «для согрева». Быстро записав узел под один из столов, Гордиан достал из кухонного набора небольшой разделочный нож с узким лезвием, предназначенный для резки тонкими ломтиками мяса.

Сталь была явно дрянной, лезвие – слишком тонким в сечении, с длиной от основания рукоятки до кончика режущей части не более пятнадцати сантиметров. Нож, разумеется, никоим образом не подходил для реального боя, однако для целей Гордиана вполне годился, ибо был заточен им вчера до чудовищной остроты и имел тонкий острый наконечник для прямых, а не только режущих ударов.

Гор накрыл лезвие тряпкой, так, чтобы рукоять оставалась свободной, и засунул его за пояс, прикрыв торчащую рукоять нижним концом выпущенной туники. Затем он схватил в обе руки огромную амфору с вином и отправился уже пройденным один раз маршрутом, в направлении центральных корпусов комплекса, где располагались коттеджи высших рабов, руководителей поместья.

Проходя мимо донжона, Гор бросил взгляд на установленные там большие механические часы – было ровно восемь, как и планировалось. В восемь вечера в регионе, где расположилось Лавзейское поместье, оставалось еще очень светло, возможно благодаря летнему сезону, возможно, благодаря теплым широтам – в особенностях календарного времени счисления и географии нового мира Гордиан разобраться не успел, а времени уделять внимание подобным вещам уже не оставалось. Гор отчетливо понимал, что еще одной такой порки не выдержит и убьет Гаврина прежде, чем тот дотащит его до «экзакуторской». Впрочем, – заключил Гордиан, – убить ублюдка придется в любом случае, так что стоит ли вообще об этом думать?

Народу вокруг сновало множество. Время после семи вечера считалось личным временем каждого раба, если, разумеется, кто-то из «старших товарищей» не нагрузил его работой.

Насколько Гор понял по результату трех проведенных здесь дней, самым удивительным являлось то, что в поместье вообще не существовало *свободных людей*, кроме самого Рэя Брегорта. Все остальные, включая стражу и высшую администрацию комплекса, так же как и Гордиан, являлись *рабами*.

Но насколько же отличался быт одних невольников от других! Если обычные, рядовые, рабы ночевали в грязных бараках и действительно были «рабами» в традиционном понимании этого термина, то высшая рабская администрация, эти «сервы в законе», жили в центре комплекса в отдельных коттеджах с большим количеством комнат и мебелью и даже с личной прислугой.

Убранство этих «элитных» рабских жилищ, конечно, отличалось от роскоши дворцовых апартаментов самого Брегорта, однако было не сравнимым по богатству и комфорту с теми условиями, в которых обреталось большинство. Объяснялось это обстоятельство тем, что большую часть населения страны составляли именно сервы, а свободные граждане представляли ничтожную часть. Таким образом, расслоение на социальные классы шло не в среде свободных, как это происходит обычно, а в среде рабов, которые делились на: рабскую элиту (вилики и провилики), рабский средний класс (специалисты и охранники-габелары) и низших рабов, то есть совершенно бесправный класс рабочих сервов, занимавшихся грязным и тяжелым трудом и во всем зависевших от элиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.